ПИОНЕР

АВГУСТ 8

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1966 г.

КЛЮЧ К НОМЕРУ

ЗДРАВСТВУЙ, ДРУГ НАШ ЧИТАТЕЛЬ! ВОТ ТЕБЕ ОПЯТЬ НОВЫЙ НОМЕР «ПИОНЕРА», А В НЕМ МНОГО ВСЕГО: РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ, ДАЖЕ ТАНЕЦ С ПЕСЕНКОЙ, СТИХИ, ФАНТАСТИКА И...

А. КАЛЬМА

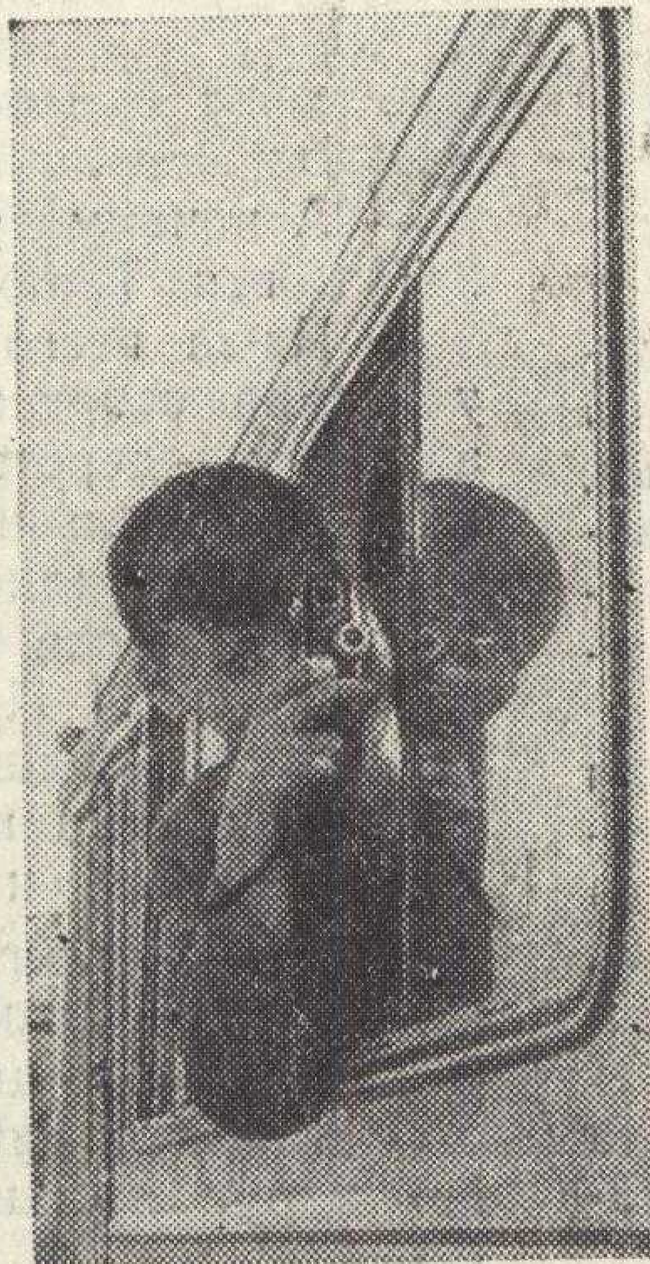

Л. ВОРОНКОВА

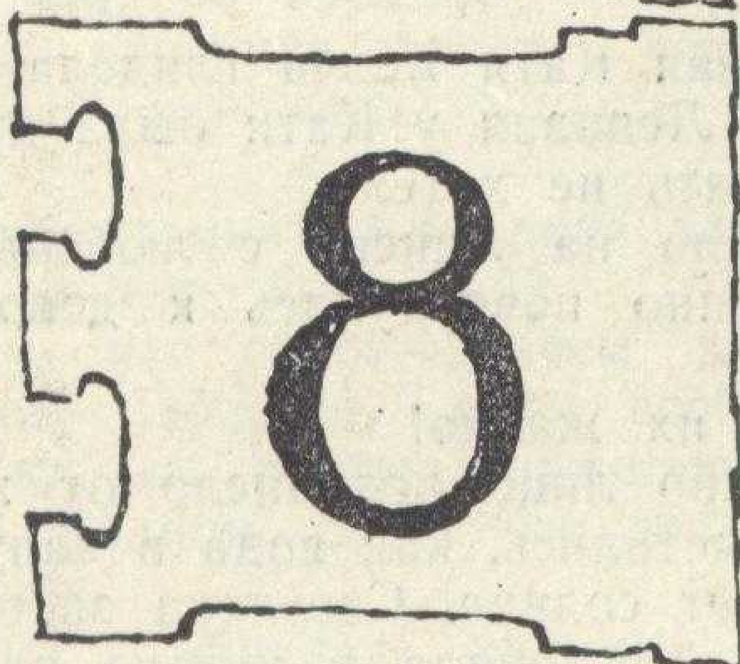
- Продолжаем печатать повесть А. Кальмы о героях французского Сопротивления. Тебя ждут удивительные приключения, читатель.
- И еще одна повесть в номере. Писательница Любовь Воронкова принесла к нам повесть «Гуси-лебеди». Нам было интересно, думаем, что и тебе понравится. Прочтешь — напиши!
- Славные, веселые стихи замечательного поэта Осипа Мандельштама украшают этот номер журнала. Они многим запомнятся.
- Представь себе, ребята всего мира собрались у нас в Москве. Как? А вот так. В Москве была выставка детских рисунков. Тысячи ребят прислали из разных стран свои картины. Загляни на цветную вклейку, и ты тоже побываешь на этой выставке.
- Известный фельетонист Л. Лиходеев делится своими соображениями о ябедах и кляузниках. Не пропусти и этих страниц.
- Военная игра! Военная игра! Военная игра в номере!
- Внимание! Операция «Цветы на бруствере»! Пионерские отряды идут по местам давних боев, по линии обороны Москвы. Мы печатаем здесь воспоминания участников боев, донесения наших связных, результаты рейда особой разведгруппы штаба операции. На соседней странице ты видишь — мирные поля у реки Истры — это поля былых сражений.
- «Фурык» — непереводимое выражение в йамарском языке. Любопытно, не так ли? Ведь никто не слышал о таком языке. «Фурык» — так называется фантастический рассказ. А в нем... Впрочем, прочтешь — узнаешь!
- Хочешь выглядеть похожим на чучело гороховое, или тебе милее одеться аккуратно и красиво? А как — посмотри у «Храбрых портняжек».
- Итак, читатель, принимайся за свое дело: читай!

Леонид ЛИХОДЕЕВ

Участник рейда Сережа НОВОСЕЛОВ

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

АВГУСТ № 8

Издательство «Правда». 1966 г.

Гуси-лебеди

Л. ВОРОНКОВА

Рисунки Е. СОКОЛОВОЙ.

ЛАСКОВОЕ СЛОВО

Лиза не убежала с девчонками на реку. Девчонки стояли, сбившись в кружок,— и Лиза, старшая Анискина сестра, и Катя, пушистая, как одуванчик, и черномазая Танюшка, и курносая Верка, с розовыми, словно полированными, щеками. Тут же лепился и Прошка Грачихин, белый, с белыми ресницами, коренастый и по виду настырный.

И среди них Аниска увидела чужую девочку. Она была в коротком красном платье; аккуратные тоненькие косички с большими бантами лежали на плечах. Лиза кружилась возле нее, щупала ее платье, разглядывала пуговки на груди. А Танюшка щебетала, как воробей:

— Ты на все лето приехала? А с нами водиться будешь? А на реку пойдешь? А на школьный участок пойдешь?

Девочка улыбалась. Аниска заметила, что верхние зубы у нее немножко торчат. Но эти два маленьких зуба нисколько не портили ее улыбки.

— Косуля пришла,— вдруг сказал Прошка и тотчас спрятался за чью-то спину: за Косулю Аниска и влепить не замедлит.

— Косуля? — спросила чужая девочка.— А почему же Косуля? Косули — ведь это животные такие. Ну, вроде оленей, что ли...

— А она же у нас косая,— объяснила Лиза,— у нее один глаз к носу забегает.

— Глаза по ложке, не видят ни крошки, — сказала румяная Верка и засмеялась.

А Танюшка сквозь смех скорчила рожу и вытаращила глаза, представляя Аниску.

Аниска стояла, не говоря ни слова, будто не о ней шла речь. Она никогда не думала, чтобы у человека могло быть такое белое лицо, как у этой чужой девочки, и такие прозрачные, нежные голубые глаза.

Эти голубые глаза весело глядели на Аниску.

— А как ее зовут? Как тебя зовут, а?

— Аниска,— ответила за сестру Лиза и добавила, понизив голос: — Хоть бы причесалась. Вечно, как помело!

— Аниска? Аниса, значит. Надо вежливо называть друг друга.

Чужая девочка подошла к Аниске и взяла ее за руку.

— А меня зовут Светлана. Я к бабушке в гости приехала. Марья Михайловна Туманова — это моя бабушка. А это твой братик, да? Ой... какой маленький!..

— Это Николька,— сказала Аниска и покраснела.

Танюшка не вытерпела, дернула Светлану за платье.

— Не водись с ней. Она дерется.

Аниска сразу нахмурилась и стала похожа на ежа.

— Вот и буду драться!

— Словно петухи...— негромко сказала Катя и улыбнулась, как большая на маленьких.

Светлана удивилась.

— А почему драться? Из-за чего?

Тут вся Танюшкина обида вырвалась на волю.

— Из-за всего! Она из-за всего дерется! Крылья у слепня оторвешь — дерется! Кошку стали купать в пруду — дерется! Мальчишки полезут за гнездами — и с мальчишками и то дерется!

Все постарались вставить словечко. И Верка, у которой Аниска однажды отняла лягушку и бросила в пруд. И Прошка, которому попало от нее за то, что он подшиб грача. И даже Лиза — Аниска ей житья дома не дает из-за цветов: не толкни их да не задень их!

Только светлоглазая Катя молча глядела куда-то на далекие облака. Ленивая у Кати была душа, ни бранить, ни защищать не хотела.

Светлана поглядела на Аниску с любопытством. Но вдруг неожиданно повернулась к девочкам и сказала:

— Ну, а раз ей их жалко!

Скуластое Анискино лицо потемнело от жаркого румянца. Глаза засветились, как вода в калужинах, когда в них заглянет солнце. Светлана заступилась за нее! Она сразу все поняла и никого не послушала!

Тут Николька неожиданно закапризничал и заплакал. Аниска вспомнила, что не покормила его. Она почему-то была уверена, что если Никольку не покормить вовремя, то он может сразу умереть. Она испугалась, прижала его к себе и побежала домой.

Светлана удивилась этому. И потом легко догнала ее и, расставив руки, загородила ей дорогу.

— Аниса, ты куда? Ты рассердилась?

Аниска широко раскрыла свои прекрасные, серые, немного косящие глаза. Это она-то рассердилась? Она! На Светлану!..

Аниска хотела бы сказать, что она даже и не думала сердиться, что, наоборот, ей весело, а Светлана ей вся — одна радость!.. Но вместо этого она пробурчала еле слышно:

— А что мне оставаться-то? Мне еще избу убирать...

Светлана удерживать ее не стала.

— Ну ладно. А потом приходи ко мне. Я тебе заколку дам. А то у тебя волосы какие-то космытые...

И отвернулась к девчонкам.

— Ну что ж, мы хотели на реку?

Девочки ответили хором:

— На реку! На реку!

Трава на усадьбах краснела от дремы и цветущего щавеля, золотилась от ярко-желтой куриной слепоты. Сладким, теплым запахом тянуло оттуда. Аниска с крыльца глядела девочкам вслед, пока они не скрылись в кустах.

Что случилось на свете? Какое высокое и какое ясное сегодня небо! Воробьи щебечут так радостно и неистово — праздник у них, что ли? А может, это у Аниски праздник? Хоть бы скорей отец пришел со стройки. С самой весны он в совхозе строит телятник. Все нет и нет дома отца, только на воскресенье приходит. А сегодня вторник. Но как придет в субботу вечером отец, Аниска сразу расскажет ему, какая к бабушке Тумановой приехала внучка и как она сразу заступилась за Аниску. «Ну, а раз ей их жалко?» — вот что она сказала.

АНИСКИНЫ БРЕДНИ

Бабушка Туманова с утра с вилами в руках разбивала навоз в огороде, носила его под рассаду. Светлана, соскучившись в избе, пришла к ней в огород и, аккуратно приподняв платьице, присела на бревнышко.

Пушистые светло-зеленые кусты малины, росшие у изгороди, вдруг тихонько зашуршали и раздвинулись. В щелочку глядели на Светлану большие Анискины глаза.

— Бабушка! — с улыбкой сказала Светлана.— Гляди-ка!

Бабушка выпрямилась.

— Кто там? Аниска? А! Ну иди сюда, иди, не бойся, чай, не кусаюсь.

Аниска обогнула огород и вошла в калитку.

— Ты за приколкой пришла, да?— спросила Светлана.

Аниска отрицательно покачала головой.

— А зачем же тогда?

— Ну, что такое — зачем да зачем? — сказала бабушка.— Пришла, да и все! Вот что, Аниска, возьми-ка ты нашу барышню да поведи куда-нибудь. Видишь, сидит без дела, не знает, куда себя девать.

Аниска улыбнулась, крупные зубы сверкнули, как белая речная галька.

Светлана вскочила.

— Бабушка!

— Ну чего ты?

Светлана подошла к ней, пригнула к себе ее голову и зашептала в самое ухо:

— Бабушка, что вы! Как я с ней пойду? Ведь она же чудна́я...

Бабушка посмотрела на нее сурово, с неудовольствием.

— Это кто же тебе такую басню сказал?

— Девочки.

— Экие злыдни твои девочки! Если человек на них не похож, так у них уж и «чудна́я»! Иди, иди, она плохому не научит!

Светлана подошла к Аниске.

— Ну... пойдем.

— Со мной? — спросила Аниска с затаенной радостью.

— Ну конечно.

— В лес?

— Ну хоть в лес.

Девочки вышли на узкую тропочку, которая сквозь кудрявую травку пробиралась вдоль деревни к пруду.

— Только ты, Аниса, мне что-нибудь рассказывай. А то будешь молчать да молчать... Я тогда от тебя убегу!

Аниска задумчиво посмотрела на нее.

— А рассказывать про все?

Светлана повела тонкими бровками.

— Какая ты странная. Конечно, про все, почему же нет?

— Вот здесь наш дедушка умер,— вдруг сказала Аниска.

Светлана остановилась.

— Где?

— Вот на этой тропочке.

— Как?.. Почему?..

— А у нас немцы были тогда. Они не велели вечером на улицу выходить. А дедушка вышел. Покурить ему захотелось, уж очень ему захотелось покурить. Он пошел к дяде Егору — нет ли у него самосаду? А немец ему кричит: «Стой! Стой!» А дедушка наш глухой был. Идет да идет. Ведь еще и не темно было, смеркалось только. А немец из ружья— бум! Дедушка схватился за грудь, покачался-покачался и лег на снег. Вот здесь и умер.

— А ты почем знаешь? Ты же не видела!

— Мать рассказывала...

Светлана со страхом смотрела на зеленую солнечную тропочку.

— Ой... Уйдем отсюда. Уйдем скорей! Побежим в поле — догоняй!

Светлана припустилась бежать, легкая, как котенок. Красные ленточки в косах распустились на ветру. Аниска бросилась за ней. У нее были крепкие ноги, и бегала она, топая, как жеребенок. Она уже раз пять догнала Светлану, но, догнав, не решалась схватить ее — а вдруг рассердится?

А Светлана останавливалась, прыгала на одной ножке и, смеясь, дразнила:

— Не догнать! Не догнать!

И была очень рада, что Аниска никак ее не догонит.

Потом тихонько шли к лесу без тропки, прямо через поле, засеянное льном. Тонкие жесткие стебли стегали по ногам.

— А на этом поле весной самолеты садились,— сказала Аниска.

Светлана удивилась:

— Настоящие?

— Ага. Настоящие. С летчиками. У нас тогда на зеленя какой-то вредитель напал — вот с этих самолетов все поле и опрыскивали. Как дождиком.

— И ты видела?

— Все видели. А Степка Лукошкин у летчика спросил: «Можешь без отдыха до границы долететь?» А летчик говорит: «А почему без отдыха? — Говорит: — Мы можем на облачко присесть, отдохнуть да и дальше!»

Светлана поглядела на теплое синее небо, на крутое белое облако с темным донышком.

— Как на облака присядешь? Ведь они из пара! Ты ведь знаешь, что они из пара? Ты в каком классе?

— Во втором. Буду в третьем.

— У, большая, а во втором! Я уже в четвертый перешла! Ты, значит, и не пионерка?

— Нет.

— А меня зимой приняли. А почему ты не вступаешь?

— Не примут.

— Почему? — Светлана удивленно посмотрела на нее.

Аниска отвела глаза.

— Я с ребятами дерусь. Они всегда дразнятся. Я и дерусь.

— А почему же вожатая не заступится?! — Светлана даже плечами пожала от возмущения.

— А она почем знает? — глухо сказала Аниска.— Я же не говорю, почему дерусь... Да ну и пусть не принимают. — Аниска насупила брови, и Светлана тотчас переменила разговор.

— А, мне мама новую форму сшила. Шерстяное коричневое платье и черный фартук с широкими плечиками. А ты в чем?

— В этом.

— Но ведь это ситцевое!

— А еще есть — синее с горошками...

— Ну и не похожа на ученицу. Надо, чтобы коричневое и черный фартук. Только тебе не сошьют...

— А может, и сошьют! У матери трудодней много — она у нас огородница. Попрошу — и сошьет... И отец у нас плотник.— И добавила чуть слышно: —Он сейчас в совхозе работает. А может, он там в магазине купит и принесет.

Но Светлана только засмеялась на это.

— Так он и будет помнить про твое платье!

У Аниски опять сошлись брови.

— Будет. Он мне в ту осень башмаки с калошами купил!

— Фу, калоши! — Светлана сморщила нос.— Терпеть не могу никаких калош!

Аниска хотела было вспылить. А как же в новых башмаках прямо по грязи в школу идти? Эти башмаки отцу легко было заработать, что ли? Помаши-ка топором-то с утра до ночи!

Но посмотрела на Светлану и промолчала. Неужели надо Аниске еще и с ней поссориться?

Лен кончился у самой лесной опушки. Аниска вдруг, ничего не сказав, побежала куда-то в сторону.

— Куда ты? — закричала Светлана.

Ей стало страшно, а вдруг Аниска убежит и бросит ее одну?

Но Аниска не думала убегать. Она залезла в заросли шиповника, осторожно пригнула тонкую колючую ветку с розовым бутоном на конце.

— Посмотри! Посмотри, какая красавица! Понюхай!

Светлана понюхала.

— Ну, подумаешь! Вот розы — это да! Мама ставила в вазу — вот те пахнут! А эти — что...

Аниска замахала на нее рукой.

— Не говори! Не говори!

Отвела ее от куста и зашептала:

— Зачем так говоришь-то? Ведь ему тоже обидно!

— Кому?

— А шиповнику. Он зацветает, а ты!..

Светлана поглядела на нее с некоторой опаской: отколотит?

Но Аниска была кротка и задумчива.

— Мне вот все думается: откуда он эти розовые цветочки берет? Листья зеленые и почки зеленые, а из зеленого вдруг розовый цветочек. Ну откуда? Почему? Как он может?.. Я вот всегда так гляжу и думаю... Ты не знаешь?

Светлана ответила уверенно, но не глядя в глаза:

— Конечно, знаю! Вот еще, пустяки... Только... пойдем домой?

— А хочешь, я тебе партизанскую могилу покажу?

— А далеко?

— Да нет. Вот тут через овражек. Иди за мной.

Аниска бегом бросилась в овраг, заросший ольшнягом и малинником. Светлана поспешила за ней. Кусты царапали ей руки и цеплялись за платье, а под ноги то и дело подвертывались острые сучья и корявые пеньки. На дне оврага в ручье Светлана промочила свои желтые туфли. Кое-как перебравшись на ту сторону, она оглянулась в страхе.

— Аниса, где ты?

В ответ ей только шершавые солнечные листья ольшняга тихонько шелестели под ветром. Светлана, не глядя под ноги, изо всех сил карабкалась по крутой стороне оврага. Косы у нее растрепались, одна ленточка осталась где-то на ветке... Ей уже представилось, что Аниска убежала, что она, Светлана, осталась одна и теперь совсем пропадет в лесу...

Но, выбравшись наверх, она сразу увидела Аниску.

— Ты что же не откликалась?! — сердито, чуть не со слезами крикнула она.

Но Аниска сделала ей знак рукой.

— Не кричи. Здесь нельзя кричать. Видишь?

На бугорке, обнесенная частой оградой, зеленела большая могила. Широкая черемуха прикрывала ее свежей, душистой тенью.

— На этой черемухе очень много цветов бывает,— тихо сказала Аниска.— Как начнет отцветать — так с нее и сыплется и сыплется на могилку... Будто летом снежок идет...

— А ты видела?

— Да.

— Что же, вы часто сюда ходите?

— Я хожу.

— Одна?

— Да.

— А девочки?

— Они не ходят.

— Ну, а почему же ты ходишь?

— Так. Побыть с ними.

— С кем?

— Ну с ними. Которые здесь лежат.

Светлана поежилась от страха.

— Ну тебя! Ты мне нарочно, чтобы я боялась! Не буду с тобой ходить, ни за что не буду!

Но Аниска глядела на нее ясными и печальными косыми глазами.

— А чего ты боишься? Мне их очень жалко. Ведь к ним на могилу родные не придут. Кто их знает, где у них родные? А ведь им тоже хочется, чтобы их помнили. Наши-то деревенские помнят, могилу каждую весну оправляют. Ну, а все-таки... К ним ведь и приходить тоже надо!

— Аниса, пойдем отсюда,— прошептала Светлана,— пойдем, я домой хочу!

Аниска поглядела на солнце.

— Что ты! Рано еще!

— Все равно пойдем. Только не через овраг — там сыро.

Аниска вывела Светлану на лесную тропочку. Высокие молчаливые елки и березы стали по сторонам.

— А ты не заблудишься?—опасливо спросила Светлана.

Аниска улыбнулась.

— В своем лесу-то? Да я тут с закрытыми глазами пройду. Вот на этой елке дятлово гнездо. Видишь?

— Нет.

— Да вот же!

— Да никакого там гнезда нету! Только дырка в стволе.

— Дырка! — засмеялась Аниска.— Это и есть гнездо. А ты думала, дятлы гнезда вроде грачиных делают? Тише!.. Летит!..

Девочки притихли. Черный дятел с малиновым затылком бесшумно юркнул в маленькое круглое дупло.

Прошла минута, другая. Светлана потянула Аниску за платье.

— Пойдем, ну чего стоять-то?

— А может, он вылезет!

— Ну и пусть вылезает. А что интересного?

Аниска с сожалением отошла от елки. Хотелось посмотреть, что в дупле. Может, там уже детки есть? А может, еще только яички лежат...

Девочки молча шли по усыпанной старой хвоей лесной тропинке. Светлана изредка срывала цветок — то душистый желтый бубенчик, то крупную незабудку, растущую возле старой колдобины.

— Как чудно...— наконец сказала Аниска,— вот дятлы яйца кладут белые-белые! Даже блестят. А птицы из них вырастают черные... Вот я и думаю: почему?..

Светлана нетерпеливо тряхнула косичками.

— Думаю-думаю!.. А тебе не все равно? Какая тропка длинная, идем-идем, а все из лесу не выйдем!

— А зачем тебе надо поскорей из лесу выходить? Разве плохо в лесу-то?

— Не плохо... А как-то страшно...— Светлана насупила тонкие бровки и оглянулась по сторонам.— Все деревья, деревья... Столпились кругом, и ничего из-за них не видно!

— Я все эти деревья давно знаю,— возразила Аниска,— и они меня тоже знают...

Светлана поглядела на нее с удивлением.

— Они тебя знают? Деревья?

Аниска кивнула головой.

— Да, знают. Вот елка, видишь? Косматая такая, как медведь. Когда меня в лесу дождик застает — так она машет, машет мне потихоньку: иди! Иди, укройся! А вон там березка. Вон та, кудрявая. Когда сделается мне скучно-скучно... Ну вот так скучно-скучно сделается! Даже слеза пробивает... Ну, мало ли там почему. Другой раз и сама не знаю... Вот и прибегу сюда, к ней. А она меня встречает такая веселенькая, радуется мне. И мне тогда станет веселее.

Светлана молча ускорила шаг. Хоть бы выйти поскорей из этого леса!

— Я тебе когда-нибудь ронжу покажу! — сказала Аниска.— Они у нас в лесу водятся.

— Какую ронжу?

Аниска весело удивилась.

— Не знаешь? Птица такая. Как полетит — будто огонь загорится. Красная вся — и крылья и хвост. Только шапочка черная. Отец ее сколько раз видел.

— Ну, отец! А ты же не видела. Может, отец тебе нарочно сказал. Такие птицы только в жарких странах бывают!

Аниску снова бросило в жар от гнева. Что же, отец будет ее обманывать? У них отец не такой, он никогда не обманывает! Он в лесу жил, когда на лесопилке работал, там и ронжу видел. Только вот как все это высказать Светлане, чтобы и за отца заступиться и ее не обидеть?

— Деревню вижу! — вдруг радостно крикнула Светлана.— Нашу избу вижу! Я теперь дорогу знаю,— запела она,— я дорогу знаю и сама!..

И, словно забыв про Аниску, побежала в деревню.

А на крыльце уже стояла Лиза с Николькой на руках.

— Ах ты, Косуля! Убежит и не спросится! Бери Никольку. Она будет бегать, а я дома сидеть — ишь ты, какую моду взяла! Он мне всю кофточку обмуслякал!

ПУТИ К СЕРДЦУ

И вечером, когда улеглась в постель, и утром, проснувшись чем свет, Аниска думала об одном: как бы это сделать, чтобы Светлана стала водиться с нею!

И вдруг вспомнила:

— Ронжа!

Да! Надо поймать ронжу! Аниска найдет эту птицу с красными крыльями, поймает ее и отдаст Светлане! Вот, наверно, она обрадуется!

— Ага! — скажет тогда Аниска.— Что, нарочно сказал отец? Вот она, ронжа. Уж очень эта птица хитрая, трудно ее поймать. А вот я поймала все-таки. На, это я тебе ее принесла!

Аниска тихонько встала и перелезла через Лизу, которая спала рядом с ней на скрипучей деревянной кровати. Еще розовое было небо, и солнце, только поднявшись над огородами, в упор глядело в окна.

Мать топила печку. За тонкой щелястой перегородкой потрескивало пламя, брякали чугуны и ухваты. Аниска оделась и, чтобы не показаться матери на глаза, не пошла через кухню, а раскрыла окошко и выпрыгнула в палисадник. Ветки цветущей сирени обдали ее густым прохладным дождем.

Из палисадника Аниска скользнула на тропочку и мимо крыльца — на задворки. Но скрыться не успела — на крыльцо вышла мать выплеснуть помои.

— Это куда? — удивилась она.— Это что ж, с утра пораньше с глаз долой? Ишь ты, голубушка! Иди, иди-ка домой. Раз уж встала — помогай. Иди почисти картошки на суп. А потом поросенку вынесешь.

Аниска с насупленными бровями вошла в избу.

— Ну и ладно. После завтрака убегу.

Но после завтрака пришла Катя и сказала:

— Тетка Прасковья, бригадирша, зовет капусту полоть.

Лиза насторожилась.

— Кого зовет?

— Всех ребятишек. Все, кто есть, пойдут. Потому что очень заросло.

Лиза сразу скисла.

— Еще что выдумали! Там весь нос облупится на жаре-то!

— А ты на нос бумажку налепи. Вот и не облупится. Аниска, пойдешь?

— Я пошла бы. Лиза, с Николькой останешься?

Острые Лизины глаза тревожно забегали. Пойти? Не хочется: загоришь очень и руки будут корявые. Остаться? Николька надоест за день!.. Наконец решила: подошла к Аниске и молча взяла Никольку.

Девочки гурьбой побежали к реке. Там, в низинке, широко залегли капустные огороды. По пути Аниска слазила в ольховую чащу и сорвала желтый, просвечивающий на солнце бубенчик. Танюшка взглянула на нее и засмеялась.

— Глядите, солома горит!

Все подняли смех. А Светлана стала оглядываться во все стороны.

— Где? Где солома горит?

Танюшка указала на растрепавшиеся Анискины волосы.

— А вот где! Не видишь?

Светлана засмеялась.

— И правда! Похоже!..

Аниска подбежала к Танюшке и мигом взъерошила ей челку.

— Вот и у тебя солома горит! Вот и у тебя похоже!

А потом скомкала нежный бубенчик и бросила в кусты. Пусть Светлана сама за цветами лазит!

Девочки, как синицы, окружили тетку Прасковью:

— А где нам полоть? Какие грядки?

Далеко на крайних грядах звучала негромкая песня, пестрели кофточки и платки колхозниц. Капусты совсем не видно было, лебеда и пырей шубой накрывали гряды.

Тетка Прасковья указала на самые короткие.

— Начинайте отсюда. Только капусту не дергайте.

Аниска встала рядом со Светланой, мимолетная досада ее прошла. Она сейчас же принялась за работу. Ее загорелые руки проворно и крепко схватывали траву и выдирали с корнем. Сочная, словно запыленная мукой, лебеда подавалась легко. Хрупкий мокрижник тоже слабо цеплялся за землю. Только пырей ни за что не хотел уступать — приходилось разворачивать всю грядку, чтобы выдрать тугое корневище... И тогда пальцы приятно ощущали прохладу свежей земли, скрытой под сухой, заветренной коркой.

Танюшка пыжилась, пыхтела и даже вспотела вся, стараясь не отстать от Аниски. Она даже примолкла минут на десять. Но через десять минут язык у нее заскучал.

— Ох, и грядка у меня — пырей да пырей! У Аниски лучше. И у Кати лучше. У Верки и вовсе с плешинами... А у меня! Ой... А где же Светлана? Ха-ха! Глядите, на «козе» едет!

Светлана была еще в самом начале гряды. Она осторожно, одной рукой выдергивала по травинке. Верка поглядела и тоже засмеялась — она рада была хоть чему-нибудь посмеяться.

— Боится ручки замарать! Смотрите, как пикульник-то берет — двумя пальцами!

У Танюшки слова мешались со смехом.

— Да ты хватай его, хватай, не бойся! Не укусит!

— Да, не укусит...— жалобно ответила Светлана,— еще как кусается-то! Он ведь с колючками!..

Аниска, ничего не говоря, подошла, выдрала с корнем колючий пикульник. И так же молча ушла на свою гряду.

— Димка бежит! — вдруг прошипела Верка.—Сейчас начнет просмеивать!

И бросилась, как попало, дергать траву, только бы не показалось, что она отстает.

— Эй вы, куриная слепота! Как дела?

У Димки желтые волосы торчали надо лбом, короткий нос покраснел от солнца и лупился, а на щеках светились ямочки.

— А мы на том конце полем!

— Это ребята полют, а ты бегаешь! — не оборачиваясь, крикнула Танюшка.— Чего пришел?!

— А вот посмотреть! Подумаешь, задаются. И обогнали-то на два шага!..

— Ага! Все-таки обогнали, значит?

Но тут Димка увидел грядку Светланы, и ямочки на щеках засветились еще больше.

— О-ей! Вот так «коза»! Это чья такая?

Светлана глядела на него, поджав губы. По белому лицу ее пошел нежный румянец, и светлые жалобные глаза обратились к подругам. Аниска вскочила и закричала на Димку:

— Уходи! Уходи отсюда! Ступай, свою «козу» паси, а чужих нечего!

— Ох-ох! Подумаешь!

— Вот и подумай! — подхватила Танюшка.— Когда конец будет, тогда и посмотрим, у кого будут «козы»!

Солнце пекло. Платье прилипало к спине. Танюшка долго еще ворчала на отсутствующего Димку, но скоро и она примолкла. Начинала побаливать поясница, руки двигались все медленней. Девочкам казалось, что они давным-давно сидят на капусте, что и обед прошел, а про них забыли...

Сигнал на обед долетел к ним из деревни. Там стучали в железную доску, и густой отрывистый звон разносился далеко вокруг — и в поля, на пахоту, и в пустырь, где корчевали пни, и к ним, на капустные огороды...

Девочки, обтирая руки травой, вышли на тропочку. На горке их догнали ребята. Усталости как не бывало. Спорили, смеялись. Димка называл девчонок куриной слепотой. Они его репьем и молочайником. Чистый голос Светланы слышался всех отчетливей.

— А ты репей! Репей! Как пристанешь — так и не отцепишься!

И никто не заметил, что Аниска осталась.

КТО ПОЕДЕТ НА «КОЗЕ»?

На другой день девочки пришли на участок с утра. Выполотые грядки смотрели, как умытые. Капустная рассада весело топорщилась под солнцем, расправив толстые голубоватые листья.

Первая остановилась Верка.

— Смотрите!

— «Козы» нету! — удивилась Танюшка.

Обе посмотрели на Светлану.

— Ты дополола?

У Светланы забегали глаза.

— Я... Правда, я не... Да я же...

— Ты что, вечером полоть приходила? Да?

— Мы с ней вчера весь вечер в салочки играли,— сказала Катя.

Все глядели друг на друга и смеялись.

— Вот так чудо! «Коза» пропала!

— А я знаю! — вдруг догадалась Танюшка. — Это Косуля выполола! Она же ведь с нами домой-то не шла вчера!

Аниска будто не слышала этого разговора. Она уже начала новую грядку.

— О, так-то, как Светлана, и мы можем! — обидчиво сказала Верка.— Будем дергать по травиночке, а за нас кто-нибудь полоть будет!

И надула губы.

Светлана рассердилась.

— А я и не просила. Я просила разве? Я бы и сама... Аниса, ты что это? Зачем мою грядку выполола? Я не могу, да?

— Здорово,— лениво усмехнулась Катя,— это тебе, Аниска, вместо «спасибо».

Светлана, вздернув маленький защипнутый нос, косилась на Аниску. Но когда увидела, что Катя хочет начать грядку, соседнюю с Анискиной, она бросилась и сама заняла ее.

Девочки сначала оживленно болтали о своих делах. Но грядки попались трудные: то пырей, то колючий пикульник,— и веселые языки скоро примолкли.

Аниска работала яростно. Она пропалывала и грядку и обе межи — и свою и Светланину,— так что и Светлана сегодня не так-то шибко отставала. Сорняки складывала грудками и притаптывала их своими босыми коричневыми ногами — злые травы живучи, уцепятся корнями за рыхлую землю и опять поднимут голову.

Вдруг проворные руки ее замедлились. Аниска в меже увидела жука. У него было толстое брюшко и короткие жесткие крылья. Жук рыл норку — позади у него возвышалась маленькая кучка вырытой земли. Аниска забыла о капусте.

Норка была уже глубокая, но черно-синий жук рыл все глубже и глубже. Минуты проходили одна за другой. Жук продолжал работать, и Аниска не трогалась с места. Танюшка, полная торжества, давно перегнала ее. Катя и Верка поравнялись с ней и молча, посмеиваясь и переглядываясь, спешили изо всех сил, чтобы тоже обогнать ее. Аниска ничего не видела. Она ждала, когда же наконец этот жук перестанет копать и что он будет делать потом?

Жук перестал копать. Он отполз в сторонку, нашел листок подорожника и принялся его грызть — видно, устал и проголодался.

Давно, еще той зимой, Аниска прочитала сказку про Хромую Уточку. Это была первая книжка, которую Аниска прочитала сама. Жалко ей было бабку и деда, которые остались одни. И жалко Уточку — сожгла бабушка ее гнездышко, а еще не время было это гнездышко сжигать. Вот и не пришлось Уточке превратиться в девушку. Бросили ей гуси-лебеди по серому перышку — она и улетела в дальние страны... Аниска тогда плакала. А Лиза над ней смеялась.

— Дурочка! Что это, в самделе было, что ли? В самделе так не бывает.

А откуда Лизе знать: бывает или не бывает? Вот почему-то умеют муравьи строить такие дома — с переходами внутри... И осы делают гнезда, будто из бумаги лепят... И цветы сами поворачиваются к солнцу, а на ночь свои чашечки закрывают... Значит, они что-то думают, что-то понимают. А может, они тоже, как Хромая Уточка? Бабушка-то думала, что это простая птица, а ведь это была девушка!..

Так вот и жук этот...

— Аниса... Что же ты сидишь-то?

Голос был негромкий, просящий. Но Аниска вздрогнула — так неожиданно прозвучал он. Она обернулась. Светлана жалобно глядела на нее синенькими глазами.

— Помоги...— попросила она еле слышно,— мы от всех отстали. Ты-то догонишь. А меня опять все будут дразнить.

Аниска откинула назад свои густые космы, поглядела кругом, словно спросонья.

— Эй! Задремала?— крикнула Татьянка.— Смотри, на «козе» поедешь!

— Не поеду,— буркнула Аниска.

— А я поеду...— печально сказала Светлана,— ты вот сидишь только да отдыхаешь!

— И ты не поедешь,— ответила Аниска.

Она полола сразу две грядки — и свою и Светланину. Сорняки будто горели у нее под руками. Хоть и медленно, но все-таки она нагоняла девочек.

Так и было, как сказала Аниска. Она прополола обе грядки и догнала девочек. А потом опять гнала две — и свою и Светланину. Светлана только межу успевала пропалывать. И к тому времени, как из деревни донеслись к ним глухие удары в железное било, у них на участке не было ни одной «козы».

Светлана подбежала к Аниске и крепко обняла ее — так она была рада, что вылезла из беды.

— Анисочка! Я всегда буду с тобой водиться! Я к тебе сегодня играть приду, вот увидишь! Я все время буду с тобой!

Аниска молчала. У нее болела спина, руки, исколотые пикульником, изрезанные пыреем, больно было сжать в кулак. Но серые косые глаза говорили о том, что она счастлива.

В сумерки Светлана в самом деле пришла к Аниске на крыльцо. Они вдвоем забавляли Никольку, агукали ему, пели песенки. Потом посадили его на одеяло, а сами играли в «мак». Аниска прыгала неуклюже — то наступала на черту, то попадала в «огонь». Светлана не прощала ей ни одного промаха. Но Аниска все равно была довольна. Она раскраснелась, крупные зубы ее блестели, смех разбирал ее от

всякого пустяка. Если бы каждый день так с утра до ночи продолжалась эта игра, Аниска ничуть не соскучилась бы!

ИЗМЕНА

Три дня ходили девочки полоть капусту. Три дня Светлана крепко дружила с Аниской. Они почти не расставались — пололи вместе, а после работы играли вместе. Светлана даже помогала Аниске — ходила с ней за водой, вязала с ней веники из полыни...

Когда в последний раз шли с огородов, лукавая Верка обратилась к Светлане:

— А завтра ты с ней тоже дружиться будешь?

Аниска быстро взглянула на Верку, потом на Светлану. Светлана подняла кверху свой маленький защипнутый носик.

— Да. Вот и буду дружиться. За грибами с ней пойду. А когда малина поспеет — буду с ней за малиной ходить. Все лето буду с ней дружиться!

Она обняла Аниску за плечи. И так шли они от реки до деревни, до самого дома. У палисадника Аниска остановилась и поглядела Светлане в глаза.

— Ты правда со мной ходить будешь?

— Буду.

— И в лес, и на луг, и за малиной?..

— Конечно.

— А малина поспеет еще не скоро... Ты до тех пор со мной не раздружишься?

— Нет. Не раздружусь.

Аниска вдруг крепко обняла Светлану.

— А я тебя до самой смерти буду любить,— сказала она,— до самой смерти. До самой смерти.

И побежала домой, потому что Лиза уже стояла на крыльце и нетерпеливо звала Аниску.

На другой день Светлана пришла к Аниске. Только пришла уже после того, как отобедали, после того, как снова позвонили колхозникам на работу.

— А я тебе заколочку принесла!

Она вытащила из кармашка маленькую блестящую заколку, подобрала густые Анискины космы и заколола надо лбом.

— Ну вот, видишь, и глядеть хорошо!

Аниска просветлела, заулыбалась, пощупала свои волосы и заколку в волосах...

На лужайке под липой послышались голоса. Что-то закричали, засмеялись. Светлана насторожилась.

— Не уходи! — быстро сказала Аниска.

Но Светлана уже вскочила.

— Я сейчас! Я приду!

И побежала на лужайку. Аниска издали услышала ее возглас:

— Ай! Белочка! Поймали белочку!..

Аниска и Николька долго ждали Светлану. Они сидели на ступеньках, кукла и Мишка сидели рядом с ними. Голоса на лужайке вдруг затихли — видно, все убежали куда-то. Значит, Светлана сейчас придет.

Но Светлана не приходила. Медленно прошел час, начался другой. Незаметно собирались сумерки. Николька запросил каши. Аниска ждала и не уходила с крыльца.

На тропинке показался белобрысый Прошка.

— А девчонки где? — спросила Аниска.

Прошка флегматично ответил:

— В лес побегли. Белку пускать.

— А... Светлана?

— И она побегла.

Аниска с минуту постояла молча, оглушенная гневом. Потом вырвала заколку из своих волос, бросила на дорожку и затоптала в пыль.

Вечером пришла мать с работы и никого не нашла в избе. Николька один лежал и агукал на широкой кровати.

Вскоре пришла Лиза.

— Кто с Николькой оставался? — сердито спросила мать.— Одного бросили!

— Косуля оставалась! — ответила Лиза.— А я избу убирала... А сейчас за водой схожу!..

Она схватила ведра и убежала на колодец, пока ей не попало: в избе-то и совсем не было убрано!

А Косуля тем временем обнимала в перелеске свою ласковую березку, прижималась щекой к ее прохладной коре и шептала, еле удерживая слезы:

— Ой, как мне скучно! Ой, как мне скучно-скучно!

А вечер этот был субботний. В первый раз за все лето Аниска сегодня не вышла за околицу встретить отца.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Отец колол дрова. Сильные руки высоко вскидывали топор и легко, будто играючи, бросали его на круглый чурбак. Раз! И толстый чурбак развалился на две половины. Раз-раз — и вместо чурбака охапка поленьев.

Аниска подбирала свежие, пахнущие лесом дрова и носила их под навес. Там она складывала их в поленницу. Старалась укладывать ровно, чтобы поленница не развалилась.

Отец расколол все чурбаки, сел на завалинку покурить.

— Так где же это ты была, Аниска? — спросил он.— Мать жалуется, все из дому убегаешь.

Аниска молчала, укладывая поленья. Отец спрашивал сердитым голосом, но Аниска знала, что это он ее просто хочет попугать немножко, а сам ничуть на нее не сердится. Когда он был маленький, то так же, как Аниска, по целым дням в лесу пропадал.

Сквозь табачный дым на Аниску глядели прищуренные серые отцовские глаза. Это были добрые глаза большого, сильного человека, такого человека, который не обидит слабого, а за обиженного всегда заступится. Откуда ему знать, что Аниске трудно живется на свете, что не умеет она дружить с девчонками, что терпит она от них всякие насмешки, а потому и убегает в лес, где каждый цветок ей улыбается и каждая птица кричит ей «здравствуй»?

Аниска не жаловалась отцу. Однако он знал все, что у нее на душе, и никогда на нее не сердился.

Аниска укладывала дрова и молчала. Если бы не поссорилась она вчера со Светланой, сколько бы всего веселого она могла рассказать отцу! А так — что ж рассказывать? Ничего хорошего нет.

— Говорят, новая подружка у тебя завелась?.. А? — опять спросил отец.

Аниска бросила полено.

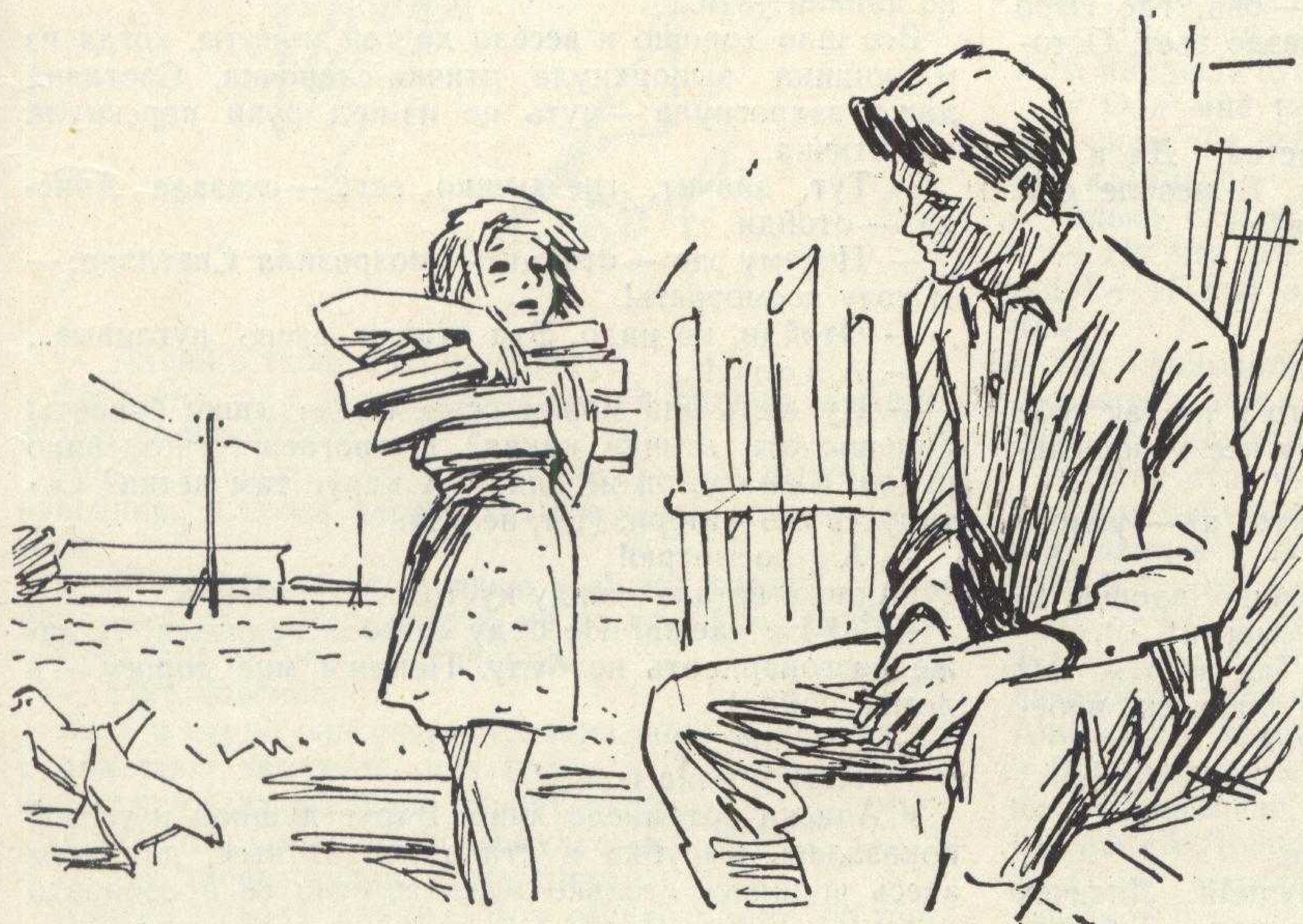
— А на что она мне? Пускай с другими девчонками водится. А что в ней хорошего-то? Зубы торчат, как у зайца. И не нужна она мне! И никто не нужен!..

Отец вздохнул.

— Эх, дочка, дочка. Нельзя так на свете жить. Плохо, когда тебе никто не нужен и ты никому не нужна. Уж как в этих делах разобраться, сам не пойму. Трудные это дела!

Из дома вышла мать с Николькой на руках. Она услышала его слова и усмехнулась.

— Страсть какие трудные дела — с девчонками не поладили! Есть о чем говорить — сейчас побранятся, сейчас и помирятся. Аниска сама — крапива хорошая.

— Да ведь и крапива колется лишь тогда, когда ее топчут да ломают...— ответил отец.

— Ну, что выдумал!—Мать махнула рукой.— Будь к людям хорош — и люди к тебе хороши будут. А на обиды эти и вниманья обращать нечего — пустяки какие!

— А я ей не хороша была, да? — вдруг всхлипнула Аниска, и слезы закапали на белые поленья.

Отец встал.

— Сходить в лес, сушняку посмотреть, подготовить...— сказал он, встал и засунул за пояс топор.— В то воскресенье лошадь обещали.

— Ну вот,— обиделась мать,— и так тебя по целым неделям не вижу.

А Аниска обрадовалась. Слезы ее сразу высохли.

— И я с тобой, папаня! Ладно?

— Ну, а как же! — отозвался отец.

— Оба чудны́е,— сказала мать и улыбнулась, покачав головой.— В лес каждый раз, будто к празднику идут! Э-эх!

Аниска неподвижно стояла на полянке, озаренной солнцем, среди пышной пестрой иван-да-марьи.

Деревья, полные солнечного спокойствия, окружали ее, и откуда-то из зеленой чащи сыпался разноголосый птичий щебет. Аниска видела, как на белый цветок дикой петрушки вылез и уселся кремовый паучок-бокоход. Сел и сидит неподвижно — попробуй-ка, муха, разгляди врага!

Она слышала, как далеко-далеко стучит дятел по стволу дерева. Она различала сладкий запах пушистой розовой таволги, которая цвела среди кустов. Сердце ее понемножку отогревалось, успокаивалось.

— Папаня, ау! — звонко закричала она.

— Э-ге-ге! — ответил ей отцовский голос из лесной гулкой дали.

Отец здесь, рядом. И весь день будет Аниска около него. Как хорошо, как весело, когда отец дома! Пускай только кто-нибудь нынче подразнит ее! Пускай Лиза хоть пальцем тронет! Ага! При отце-то она побоится.

Легонько взмахнув густыми космами, Аниска пошла дальше, в лесную страну...

На старой, заросшей дороге Аниска увидела ежа. Он хлопотливо бежал ей навстречу.

— Куда ж, дурачок, бежишь — прямо под ноги? — спросила Аниска.— А если б это не я была, а какие-нибудь мальчишки?

Ежик был молодой, иглы у него были светлые, свежие и не острые. Он свернулся в клубок, Аниска легонько перевернула его.

— Ну, ну, не фыркай, я тебя только в лицо посмотрю. У, какой ты смешной! И глаза зажмурил. А нос-то черный да мягкий какой, как сливинка! Ну ладно, развертывайся да иди куда шел...

Ежик открыл глазки, посмотрел на Аниску и опять зажмурился.

— Ну ладно, уйду,— сказала Аниска,— а то пролежишь тут, опоздаешь по своим делам...

И пошла дальше.

Муравьи черным ручейком текли куда-то, пересекая дорогу. Куда это они? Ага, на калину! А что там на калине — медом намазано, что ли?

— Ты что нашла? — спросил отец, выходя из чащи.

Аниска молча поманила его к себе рукой.
— Гляди-ка... куда это они?
— А вот куда,— сказал отец, приглядевшись,— видишь?
На калиновых листьях, возле самого черешка, Аниска увидела красные бугорки. Вот к этим-то бугоркам и стремились муравьи. Они грызли их со всех сторон жадно и торопливо. На калиновый лист села глупая муха и поползла к этим бугоркам. Но муравьи, приподнявшись на задние лапы, замахали на нее передними и выставили свои свирепые челюсти: «Не подходи! Загрызем!»
Муха попятилась и улетела в страхе.
— Ой, звери! — прошептала Аниска.— А что, если бы они большие были? Ну, если бы с корову? Вот-то страшны были бы! Ух, и страшны!..
— Страшней медведя были бы,— согласился отец.
К полудню, когда густой зной начал проливаться на лесные полянки, отец и Аниска дошли до ручья. Они уселись на бережку. Отец достал из кармана большой ломоть хлеба с солью, завернутый в газету, посмотрел вокруг.
— Кто хлеба хочет? Ну-ка?
— Ты кому — птицам? — засмеялась Аниска.
— Всем, кто попросит,— улыбнулся отец.
Он отломил половину ломтя Аниске. А от своей половины отщипнул мякиш и покрошил на сырую песчаную отмель.
— Может, какие пичужки съедят...
Аниска съела хлеб, запила водой из ручья.
Хорошо! Хорошо жить!.. Речка журчит. Таволгой пахнет. Отец сидит на бугорке, покуривает...
Аниска запела. Голос у нее был низкий и неверный. Если бы девчонки услышали, сейчас же начали бы смеяться. А если отец слышит — ничего. Он смеяться не будет.
В голубой вышине, играя солнечными огоньками, чуть-чуть трепетали тревожные листья осины. Аниска посмотрела на них — и вдруг замолкла.
— Папаня, а где эти ронжи водятся? — сдвинув брови, спросила она.— Ведь ты правду сказал, что у нас эти птицы живут? Помнишь, с красными крыльями, а?
— Правду,— ответил отец,— а для чего же человеку неправду говорить?
— А как ее найти? Вот я хожу, хожу, все хочу эту ронжу увидеть...
— Красивая птица,— сказал отец,— она, где сыро да глухо, от людей подальше свое гнездо вьет. Осторожная.
— А поймать ее можно?
— Нет. Поймать нельзя. Не поддастся. Да и на что ее ловить? Пусть в лесу живет. В неволе она жить не может. Умирает. Тоскует шибко.
— Мне нужно поймать ронжу.
Отец поглядел на Аниску.
— Это на что же тебе?
Аниска опустила глаза.
— Мне Светлане подарить надо. Это я не так тебе сказала. Светлана хорошая. И зубки у нее хорошенькие...
— А говорила, не нужен тебе никто, а? — усмехнулся отец.
— Светлана нужна мне...— еле слышно прошептала Аниска,— прямо знаешь как? До смерти!
— Эх, Аниска! — удивился отец.— Так чего ж ты? Сходи да помирись с ней. Вот давай лисичек наберем — ну и снесешь ей гостинец. Ладно?

* * *

Вечером Танюшка прибежала к Кате.
— Знаешь, а Косуля все-таки чудна́я. Лисичек принесла — целый фартук — и все отдала Тумановым. Вот хочется ей со Светланой дружить, вот хочется, и все. И что пристала?
— А Светлана что?
— А Светлана смеется. Говорит, как собачонка за мной бегает. Говорит, я и в Москве всем буду рассказывать...
Катя сказала задумчиво:
— А когда Аниска за нее капусту полола — что же она тогда не смеялась?..
Хоть и ленивая у Кати душа была, но тут и она не смолчала.

ТРУДНАЯ ДРУЖБА

Давно перестали петь соловьи, и кукушка в лесу примолкла. Наступил богатый июль месяц, с жаркими днями, с ясными зорями, с лесной земляникой и красной смородиной...
А потом и малина поспела в лесу.
Светлана то дружила с Аниской, то убегала от нее. Услышав, что поспела малина, Светлана подошла к Аниске с улыбкой.
— Пойдем за малиной — помнишь, ты меня в какое-то местечко отвести собиралась?
Есть в лесу потаенный уголок. Туда ведет только узенькая, полузаросшая тропочка, да и ту мало кто знает.
Идти туда надо сумрачным ельником, пробираться сквозь заросли можжевеловых кустов, прокладывать путь среди густых спесивых папоротников.
Дорога показалась Светлане трудной и длинной. Но вот лес расступился и встал по сторонам со своим сумраком, холодком и сырыми травами. Щедрое солнце заливало вырубку, полную пней и малиновых зарослей. Малинник пышно заполонил поляну, и даже издали было видно, что тонкие белесые ветки гнутся от красных ягод. Светлана захлопала в ладоши.
— Ой, сколько! Ой, я с ума сойду!
Девочки приподнимали ветки, прозрачные алые ягоды сами ложились в руку. А темные, перезрелые — не успеешь подхватить, только дотронешься, а уж они падают вниз, в спутанную траву. Очень скоро кринки стали полны, а на языке появилась оскомина. Но сладкие ягоды манили, и не отпускали, и не давали уйти...
Все шло хорошо и весело до той минуты, когда из малинника выпорхнула птичка-славочка. Светлана даже вздрогнула — чуть не из-под руки порскнула эта птичка.
— Тут, значит, гнездышко есть,— сказала Аниска, — отойди.
— Почему же — отойди? — возразила Светлана. — Я хочу посмотреть!
— Отойди, не надо. Эти птички очень пугливые...
— А я хочу!
— Ну, ведь она может совсем гнездышко бросить! Знаешь, эта птичка какая? Потрогаешь гнездышко рукой, а она уж и не сядет. А вдруг там детки? Останутся без матери. Нет, нельзя.
— А я посмотрю!
Аниска встала между кустом и Светланой.
— А! Не даешь? Не буду с тобой водиться! И даже разговаривать не буду. Покажи мне дорогу — я домой пойду!
— И я пойду...
— Нет! Я одна пойду!
У Аниски потемнело лицо. Вдруг душной и тесной показалась вырубка и стало непонятным, для чего здесь родилось столько малины, если ее и собирать некому.

Аниска вывела Светлану на тропочку. Светлана шла, вздернув испачканные малиной губы. Аниске было невесело. Ну что ж, значит, дружбе опять конец. Очень хотелось заплакать, но Аниска крепилась, и светлые глаза ее блестели от удержанных слез. Ну, пусть Светлана не разговаривает с ней, пусть не водится. Все равно Аниска больше не знает, что для нее сделать.

Обратный путь показался еще длиннее. Светлана скоро начала уставать. Она останавливалась, пристраивала кринку где-нибудь возле пенышка, обмахивалась вышитым фартуком, вытирала пот со лба. А потом снова со вздохом брала кринку и молча шла дальше.

Там, где тропочка через овраг пошла в гору, Аниска нерешительно предложила:

— Давай я твою малину понесу?

Светлана, не глядя, протянула ей кринку, и Аниска сразу повеселела.

Прошли болотце, и сухую валежину, и рыжий муравейник... Сквозь деревья замелькало светло-желтое поле.

— А хочешь, я тебе свою малину отдам? — сказала Аниска. — Мне ничуть не жалко. Ничуть даже!

Светлана потрясла косичками.

— Нет, спасибо.

Хоть и скупо она разговаривала, но все же Аниска с радостью заметила, что голос ее стал помягче и синенькие глазки глядят приветливей.

У околицы Светлана повернулась к ней.

— Ну, теперь давай. Сама донесу.

Аниска отдала кринку. Вот сейчас уйдет ее капризная подружка — как тогда с ней помириться?

— А хочешь, я тебе яблоков из сада принесу?

Светлана с усмешкой покосилась на нее.

— Утащишь?

— Нет. Не утащу. У сторожа выпрошу. Возьмешь?

— Не возьму. Это нищие выпрашивают.

Несколько шагов прошли молча.

— А если я ронжу поймаю,— вдруг сказала Аниска, — возьмешь?

Светлана фыркнула.

— Так и поймала!

— А если поймаю?

— Ну поймай.

— А возьмешь?

— Возьму.

— Ну так я поймаю. Поймаю, вот увидишь. Пойду и поймаю!

РОНЖА

В эти дни в своих скитаниях по лесу Аниска увидела, что многое в лесу изменилось. На полянках уже не было ягод. Облетели малиновые цветы иван-чая. И злое деревцо волчье-лыко украсилось яркими алыми ягодами. Если попробуешь такую ягоду, на языке вздуется пузырь. А если съешь ягод побольше, то замучаешься и умрешь. Среди вершин еще порхали птицы, но песен уже совсем не было слышно. И Аниска с неясной тревогой и печалью поняла, что лето проходит...

Но где же эта краснокрылая ронжа вьет свое гнездо? Там, где глухо и сыро и подальше от людей, вот где она вьет гнездо и выводит деток.

Аниска ходила по лесу каждый день. С утра работала с девочками в поле — подтаскивала снопы, подгребала солому... А когда кончали работу и девочки бежали на речку, Аниска молча замедляла шаг и поворачивалась к лесу.

Как-то раз Танюшка пристала к ней.

— Чего ты все ходишь туда, ну скажи? Ну чего ты все одна ходишь?

Аниска уперлась взглядом в землю.

— Хожу — значит, надо.

— Да чего тебе там надо? Клад, что ли, ищешь?

Аниска повторила упрямо:

— Надо мне. Надо. И не лезь.

— Ну, ищи, ищи, — засмеялась Танюшка. — Может, найдешь сундук с золотом!

— Она мне ронжу ловит! — объяснила Светлана девочкам. Те посмеялись, и больше никто не приставал к Аниске.

Только Светлана иногда спрашивала с усмешкой:

— Ну что же? Все еще не поймала ронжу? А я жду! — И при этом незаметно подмаргивала девочкам.

Так проходили дни. Начало осени уже возвещало о себе тонкими радужными паутинками, которые медленно проплывали над полями.

Аниска становилась все угрюмее. Она обошла лес и рощу, заглянула во все овраги, и ближние и дальние, лазила в чащобу молодого ельника, вязла в болоте. Каждый вечер она, не дождавшись ужина, засыпала от усталости. Лиза жаловалась на нее, сонную. Мать грозилась по утрам, что если Аниска опять после работы убежит в лес, то она не даст ей обеда... Аниска все терпела, и все напрасно. Ронжи не было.

В сырой, пасмурный день, когда можно было поспать подольше, Аниску разбудила одна острая мысль: «А Лощины! Дальние Лощины — что же я туда-то не сходила? Там глухо и сыро и от людей далеко!»

Аниска бесшумно соскользнула с кровати.

Лиза, уверенная, что уж сегодня-то ей ни в коем случае не придется сидеть с Николькой, сладко спала, приоткрыв рот.

Улучив минутку, когда мать вышла в сени, Аниска вылезла в окно и скрылась.

Ольховые кусты под росой сверкали, будто отделанные серебром. Острые горьковатые запахи стояли в прохладной чаще. Иногда на пути попадалась осинка, тронутая красной краской. И тогда Аниске хотелось остановиться и смотреть на нее неизвестно сколько времени.

Аниска долго шла по лесной дороге. Потом дорога пропала в сырых овражках, в густом папоротнике. Вот и Лощины — глухое место. Высокие старые елки верхушками глядели в небо. А внизу под елками было тихо и сумрачно.

Аниска вышла на полянку, заросшую жестким голубым цикорием, похожую на голубой прудок, затаившийся в лесу. Она присела на сухую валежину и уперлась лбом в свои шершавые ладони. Где-то высоко над головой лепетала осина, пинькали синицы... Аниска вдруг почувствовала, что она очень устала.

— Не буду больше искать ронжу, — решила она. — Ну что ж, пусть не дружится. Не буду.

Она встала и медленно пошла через полянку. Лесная трава стояла по пояс.

Вдруг шевельнулась, закачалась еловая ветка. Аниска подняла глаза — будто горячий уголек обжег ее сердце: на большом старом дереве, покрытом волокнистыми голубыми лишаями, сидела необыкновенная птица. Она, словно большой яркий цветок, как-то боком висела на суку и поглядывала на Аниску. Черная, как бархат, шапочка, светлая зеленоватая грудка, красное перо в крыле...

Аниска перестала дышать.

— Ронжа?

Птица, легко вспорхнув, развернула крылья, и Аниске показалось, что она сейчас ослепнет от этой красоты. Красные, как огонь, были у этой птицы крылья, красный, как огонь, был у нее хвост! Она тихо, бесшумно скользнула над полянкой и скрылась в густой древесной листве.

— Ронжа!

Аниске хотелось кричать от радости. Но она затаила дух и, крадучись, подошла к дереву, покрытому лишаями. Прижавшись к стволу, она долго глядела вверх, разглядывая старые сучья. Не здесь ли спрятала ронжа свое гнездо?

И Аниска увидела это гнездо. Оно чернело вверху среди густых веток, прижатое к самому стволу. Там должны быть детки. Большие уже должны быть детки — лето на исходе!

Аниска подобрала подол, заткнула за пояс и полезла на корявую смолистую елку. Обдираясь о сучья, морщась от сухой хвои, которая набивалась ей в волосы и сыпалась в глаза, Аниска упрямо лезла все выше и выше.

Аниска не ошиблась — в гнезде сидели птенцы. Они уже оперились, но что такое?

Тускло-серые, чуть рыжеватые к хвосту, они вовсе не были красивы. У них не было красных перьев на крыльях, а хвостов и совсем еще не было видно. Куцые глупые птенцы доверчиво и беспомощно глядели из гнезда на Аниску.

— Бедненькие! Ну как же я возьму вас от матери? — сказала Аниска.— Ой, как же мне быть?!

У нее не поднималась рука взять птенца из гнезда. Вот сколько она искала эту ронжу, сколько мучилась! А когда нашла — не может взять! Аниске хотелось плакать.

«А зачем их ловить? Ронжа не может жить в неволе. Умрет от тоски по лесу...» Это отец сказал

Аниске. Но что же ей теперь делать, если она обещала Светлане?

Аниска стиснула зубы и запустила руку в гнездо. Птенцы тревожно затрепетали крыльями, один вырвался из гнезда и взлетел. Аниска схватила его.

Вдруг закачались ветки, и красная птица с пронзительным криком кинулась к Аниске. Она кричала, словно звала на помощь. Она чуть не касалась крыльями Анискиных волос...

Теплое маленькое тельце птенца дрожало в руках, и в нем изо всех сил билось сердце. Аниска нежно коснулась губами бархатной головки.

— Не бойся. Я тебя не обижу...

Бережно завернув птенца в фартук, Аниска спустилась с дерева и пошла через высокие травы. А

красная птица еще долго кричала у своего гнезда. И от этого крика у Аниски всю дорогу острой болью болела душа.

Домой Аниска пришла как раз к обеду. Мать, увидев ее, всплеснула руками.

— Ох, на кого ж ты похожа! И где это тебя угораздило?

— А руки-то — все в смоле! — подхватила Лиза. — И платье разорвано! А в фартуке что?

Аниска посмотрела на мать, на Лизу, на свои черные от смолы руки, на порванное платье с мокрым подолом... И вдруг, заглянув в фартук, бегом бросилась из избы.

— Совсем рехнулась, — сказала Лиза.

Мать только вздохнула. Ну что ей делать с этой горе-головушкой Аниской?

Аниска прибежала к Тумановым. Светлана стояла перед зеркалом и завязывала синий бант в косе. Она увидела Аниску в зеркало.

— Фу, какая... испачканная!

Но Аниска схватила своей черной от смолы рукой тонкую руку Светланы и прошептала:

— Я тебе ронжу нашла! Я из гнезда достала! Теперь ты будешь со мной дружиться!

Светлана встрепенулась.

— Правда? Где она, покажи скорей!

Аниска раскрыла фартук. Испуганный птенец сидел съежившись и ни на кого не глядел.

— Это и есть ронжа? — протянула Светлана.— Ну, что же в ней хорошего?

— Да ведь это еще детка! — сказала Аниска задрожавшим голосом. — У него красные крылья потом вырастут! Ты увидишь, какой он красивый будет! Он скоро вырастет!

Аниска говорила, стараясь убедить Светлану, но уже чувствовала, что все это напрасно. Светлане не понравилась ронжа.

— Я не виновата... — пробурчала наконец Аниска, — если бы большую ронжу можно было поймать — я бы поймала. Ну, ведь эта тоже красивая будет!

Светлана засмеялась. Но обернулась к ней, увидела ее жалкие косые глаза и вдруг обняла за плечи.

— Ну ладно! Ронжа — ронжа! А на что она мне? Пойдем к нам в огород, горошку поедим. Я ведь сказала, что буду с тобой дружить,— значит, буду!

И, схватив Аниску за руку, потащила ее в огород.

— Подожди! — ответила сразу утешенная Аниска. — Я сейчас. Птенчика в лукошко посажу. А завтра отнесу обратно, на елку, пусть его мать выкормит!

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

Так и прошло лето — с дождями и солнцем, с грозами и алым сиянием зорь...

Дружила или нет с ней Светлана? Трудно было Аниске понять. Нынче дружила, а завтра обижала. Правда, Аниска никогда не говорила о своих обидах, хотя эти обиды каждый раз все тяжелей ложились ей на сердце. Но стоило Светлане кликнуть ее, Аниска бежала к ней, полная радости.

В этот ясный осенний день Светлана позвала Аниску к старой, поваленной бурей рябине.

— Пойдем на рябине покачаемся!

Девочки взобрались на большой сук, тихонько покачивались и смеялись—им казалось, что они птицы.

— Давай петь! — сказала Светлана. И запела тоненьким голоском:

> Жили у бабуси
> Два веселых гуся,
> Один серый, другой белый,
> Два веселых гуся!

Аниска стала ей подтягивать. Но голос у нее был неверный, и песни не получалось, только получалось очень смешно — «кто в лес, кто по дрова».

Посмеявшись, они снова запели. И снова рассмеялись.

— Ой, падаю! — вдруг закричала Аниска. И свалилась в мягкую рябиновую листву. Хохот поднялся еще громче. Аниска думала, что сейчас умрет от смеха, и она никак не могла встать и вылезти из рябиновых веток. А Светлана наверху смеялась, повизгивала и сквозь смех кричала:

— Ой, и я сейчас! Ой, и я сейчас!..

В разгар этого веселья неожиданно явился белобрысый Прошка. Он подошел и сказал басом:

— Светлана! Эй!

— Что тебе еще? — крикнула Светлана.

— Иди. Бабушка домой велела.

— Ну вот еще! Зачем такое?

Аниска выбралась из листвы и помогла Светлане слезть с ветки.

— Сейчас сбегаем и опять придем, ладно? — сказала Светлана.— Ты, пожалуйста, не уходи домой, ты со мной!..

Девочки побежали. Еще издали Аниска увидела во дворе у Тумановых какую-то женщину в белой кофточке. Она приостановилась и неизвестно почему встревожилась.

— А у вас кто-то...

— Где?

— А вон... У калитки с бабушкой стоят...

Светлана пригляделась. И вдруг взвизгнула, бросила Анискину руку и припустилась к дому.

— Мама! Мамочка приехала!

Аниска не знала, что же ей делать теперь. Бежать за Светланой? А Светлана уже и забыла про нее. Она повисла на шее у своей мамы, целовала ее, что-то быстро рассказывала...

Потом все пошли в избу — бабушка, мама, Светлана... Но тут Светлана вспомнила про Аниску.

— Что же ты стоишь? Иди сюда! Сейчас вещи будем собирать. Я уезжаю.

Аниска медленно подошла к Светлане, у нее ноги почему-то стали очень тяжелыми.

— Да не бойся, иди! — нетерпеливо кричала Светлана. — Я уж маме рассказала, что ты мне ронжу принесла! А знаешь, она мне новую игру купила!..

Быстрые Светланины слова кружились где-то возле уха, как летняя мошкара. А в сознании осталось только одно — уезжает...

Аниска вошла вслед за Светланой в избу. Бабушка Туманова торопливо собирала на стол. Светланина мама — вся какая-то чистенькая, беленькая, приглаженная — укладывала в чемодан знакомые платья: красное тоненькое, в котором Светлана появилась впервые, розовое в полоску, вышитый фартучек, испачканный малиной...

— Уезжаешь...

— Ну да! Уезжаю! Ведь первое сентября скоро! А у мамы сегодня выходной, вот она за мной и приехала. Сейчас лошадь запрягут — мама наняла в колхозе лошадь! И папа пишет из командировки, что скоро домой приедет. А потом — у нас комнату в Москве новыми обоями оклеили!..

Аниска неподвижными глазами смотрела на Светлану и ничего не говорила. Светлана даже обиделась немножко.

— А тебе даже все равно, что я уезжаю!

Но, взглянув на Аниску, примолкла, словно поняла, что большое горе слов не имеет.

Светлане стало неприятно. Анискина тоска мешала ее радостному настроению. И она с нетерпением обратилась к матери:

— Мама, ну когда же мы поедем?!

— Все готово! — ответила мама. — Пообедаем и поедем.

Мама закрыла чемодан, вымыла свои белые руки.

— Девочки, за стол! Живо, живо!

Аниску рядом со Светланой усадили за стол. Мама привезла из Москвы колбасы — поджаренная с яичницей, она пахла остро и горячо. Аниска молча съела кусочек, но не почувствовала вкуса.

Светланина бабушка внимательно поглядела на Аниску.

— Ты что это уж очень загоревала-то? Полно, полно. Стоит того!

Аниска не отвечала, но глаза ее налились слезами.

— Да и не стоит, — продолжала бабушка, — наша-то барышня про тебя тотчас забудет. Только за порог!

— Нет, — глухо, но твердо возразила Аниска и вскинула на Светлану блестящие от слез глаза. Она ждала, она требовала, чтобы Светлана немедленно вмешалась и сказала бы, что это не так, что это бабушка так думает, а Светлана никогда не забудет Аниску, что ей никак нельзя забыть Аниску.

Но Светлана, увидев этот взгляд, чуть-чуть сморщила свой защипнутый носик и нетерпеливо заболтала ногой.

— Ну что вы все... Забудет — не забудет!

— Не болтай ногами, — сказала мама, — ешь.

А потом повернулась к Аниске, положила ей на голову свою белую теплую руку и заглянула в лицо.

— Ты что так расстроилась, девочка? Ведь и горя-то никакого нет. На будущий год Светлана опять приедет. Ну, давай-ка улыбнемся!

Но Аниска не могла улыбнуться. Она хмурилась и сжимала губы, стараясь удержаться и не заплакать.

— И ты не сердись на Светлану, — продолжала Светланина мама, — ведь она городская. Ведь там ее дом. И не обижайся, ладно? Ведь каждому домой хочется!.. И тебе хотелось бы, ведь правда?

Тут за окном послышались голоса девчонок. Светлана живо выскочила из-за стола и подбежала к окну.

— Ой, как хорошо! — весело закричала она. — Девочки меня проводить пришли!

Аниска молча сползла с лавки и пошла из избы.

Вскоре вышли на улицу и Светлана, и ее мама, и бабушка. Ребятишки уже глазели у ворот, шныряли возле лошади — интересно же посмотреть, какая у Светланы мать, и какой у них чемодан, и как они будут прощаться...

Катя, Верка и Танюшка окружили Светлану. Светлана обнимала их по очереди. Она очень любила их всех в эту минуту.

— До свиданья, до свиданья! — повторяла она, и в голубеньких глазках ее бегали слезинки. — Я все время буду вас вспоминать.

А когда чемодан уже поставили в телегу, она вдруг оглянулась.

— А где же Аниса?

Катя молча отвела глаза и стала глядеть куда-то в сторону. Она всегда так делала, когда должна была сказать что-то неприятное человеку и не хотела сказать. Но зато Верка и Танюшка тотчас все объяснили.

— Она от вас как вышла, так и ушла! — торопилась Танюшка.— Прямо будто ее выгнали!

— А мы кричим — куда же ты? А провожать-то? — перебила Верка. — А она...

— А она губы зажала и ничего!

Светлана обиженно обернулась к бабушке.

— Вот видишь, бабушка! А ты все на меня. — И сердито добавила, влезая в телегу: — Я тебе говорила, что она чудна́я!

Бабушка покачала головой и ничего не ответила. Зато мама нахмурилась.

— А мне вот кажется, что это ты у меня чудна́я,— резко сказала она.— Ничего не понимаешь! Слепая и глухая, вот ты какая у меня. И это очень грустно.

Ребятишки проводили подводу до околицы и вернулись. Верка и Танюшка пошли дальше, до той канавки, которая отграничивает их поля от полей соседнего колхоза. Там лошадь прибавила шагу. Светлана в последний раз махнула рукой, и встопорщенные придорожные елочки заслонили от нее Зеленые Горки.

Светлана вытащила платочек и заплакала.

— Ах, вот как, — сказала мама, — а я уж подумала, что ты у меня совсем равнодушный человек!

Светлана отняла платочек от лица.

— Но, мама! — В голосе ее слышалась обида.— У тебя все время я в чем-то виновата. И все из-за Аниски.

— А разве ты не видела, как эта девочка тебя любила!

Светлана пожала узенькими плечиками.

— А все-таки, почему я виновата? Я ведь не просила ее меня так любить!

Мама ничего не ответила. Она не знала, что ответить на это своей рассудительной дочке.

Светлане скоро надоело молчать.

— Мамочка, а платье-то как же, коричневое? Не готово еще?

— Ну как не готово! Уже и воротничок пришит!

— Ой, мамуля!

Лошадка бежала дробной, веселой рысью. Тихие, примолкшие леса отходили назад, отступали все дальше от шоссейной дороги. Новые поселки возникали на пути, огороды, поля... Вот вдали показались круглые, как макароны, трубы стекольного завода... А за этим заводом уже будет и станция видна, а там — поезд, Москва, подруги, школа!..

А Зеленые Горки остались где-то далеко-далеко. Может, они просто во сне приснились.

* * *

Аниска стояла на высоком бугорке в густом ельнике и смотрела на дорогу. Она видела, как девочки провожали Светлану. Видела, как Светлана помахала им. И еще долго видела удаляющуюся подводу.

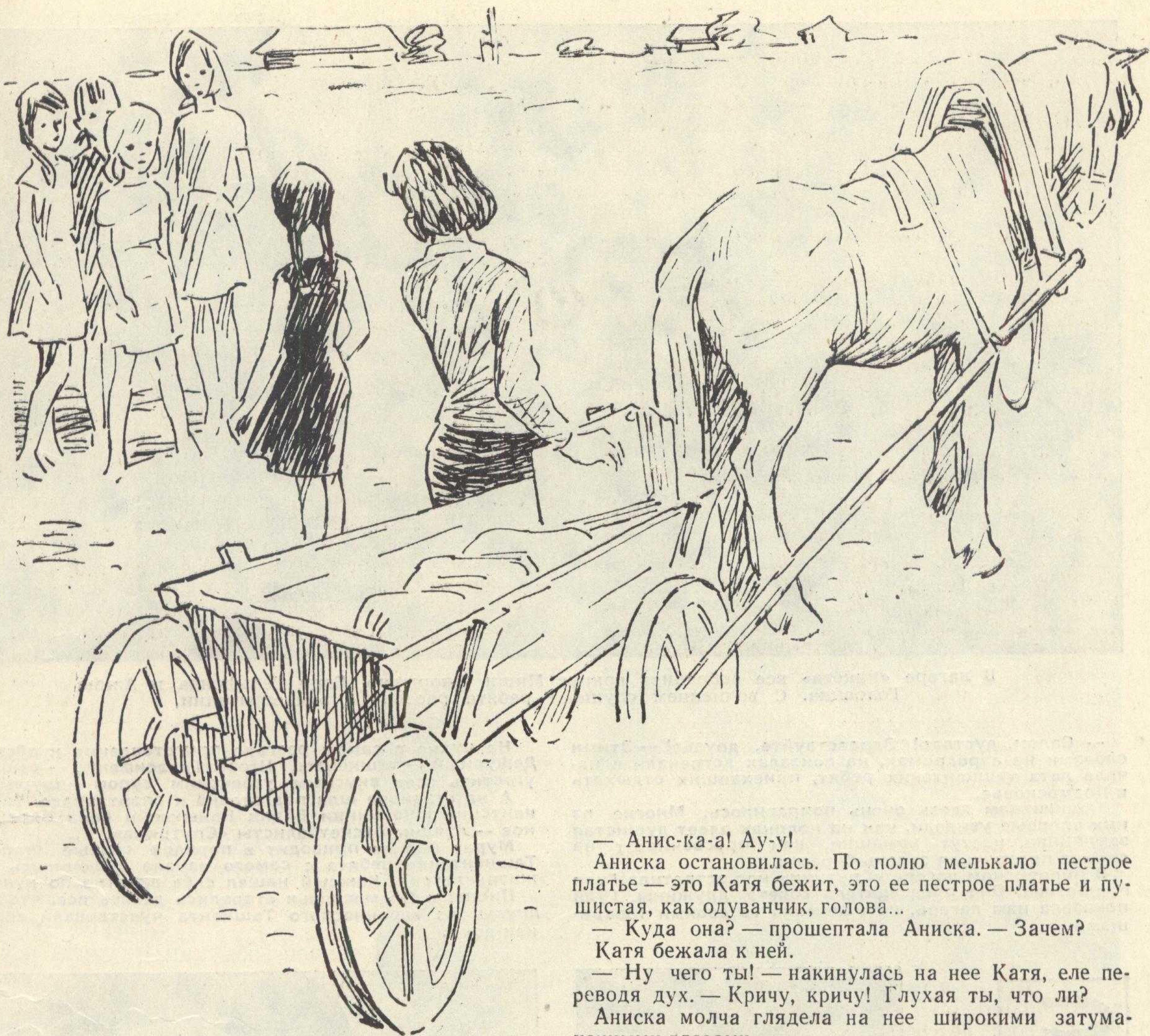
А потом спустилась с бугорка и медленно пошла домой. Она шла через поля — сжатые, убранные, по-осеннему пустые. Заблестел сквозь ветлы полевой прудок. Летом среди ржи его совсем не было видно, а сейчас он как будто налит на блюдечко. И, может, оттого, что было пустынно кругом, что не шумели колосья, не пели жаворонки,— этот прудок показался Аниске притихшим и запечаленным.

Аниске не хотелось идти в деревню. Она встала у пруда и прислонилась к ветле. Что-то случилось с ее сердцем, что-то как будто сломалось в нем. Светлана уехала — вот еще следы колес видны на дороге... За что было Аниске так любить ее? Но так уж устроен человек — любит и сам не знает за что. И когда поймет, что напрасно тратил горячие чувства своего сердца, то и тогда все еще любит, хотя и не ждет ничего.

Аниска стояла в пустом поле, у темного неподвижного пруда, и ей казалось, что она сейчас совсем одна на всей земле...

Что-то зашумело в небе, легким шелестом зашумело над головой.

Аниска посмотрела вверх — над нею летела стая диких гусей. Они летели вереницей и тихонько покрикивали. Если бы Аниска могла обернуться сей-

час такой же птицей! Как бы весело, как бы радостно было лететь вместе с ними в этой дружной большой стае, вместе со всеми радоваться утреннему солнцу! Аниска была бы такая же, как все,— хорошая, добрая, веселая! И никто бы не называл ее Косулей!

И вдруг тоска, словно костер, охватила Аниску. Она выбежала на открытое поле, подняла руки к улетающей стае и закричала:

— Гуси-лебеди! Бросьте мне по перышку! Бросьте, бросьте мне по перышку!

Но гуси-лебеди, все так же медленно взмахивая крыльями, улетали все дальше и дальше... Все глуше и глуше становился в небе негромкий птичий разговор... Вот уж и пролетели над полем. А вот и совсем растаяли в холодной небесной синеве...

Тихо стало кругом. Только жесткая осока шуршала под ветром да сизая верба роняла узкие листья в неподвижную темную воду.

Аниска, понурив голову, брела по стерне.

Чей-то тонкий голос доносился к ней с дальнего края поля, кто-то кричал, звал, аукал... Кто кричит? Кого зовут? Аниска не прислушивалась: ее звать никто не станет.

— Анис-ка-а! Ау-у!

Аниска остановилась. По полю мелькало пестрое платье — это Катя бежит, это ее пестрое платье и пушистая, как одуванчик, голова...

— Куда она? — прошептала Аниска. — Зачем?

Катя бежала к ней.

— Ну чего ты! — накинулась на нее Катя, еле переводя дух. — Кричу, кричу! Глухая ты, что ли?

Аниска молча глядела на нее широкими затуманенными глазами.

— Пойдем. Чего одна тут ходишь? Тебя ищут, а ты ходишь тут!

— Кто ищет?

— Анна Дмитриевна пришла. Велела всем завтра в школу. Будет беседу с нами проводить.

— Со мной-то беседу проводить не будет. Чего ей со мной-то?

— А вот и будет. Сама сказала. Всех пионеров соберем, говорит, и всех, кто еще не пионер. Принимать будем скоро, на Октябрьскую, говорит. Вот.

Аниска незаметно вздохнула.

— Меня-то принимать не будут.

Катя рассердилась.

— Не знаешь ничего. Бегаешь тут и не знаешь ничего. Танюшка только начала было: «А наша Аниска — драчунья. Как же ее принимать?» — а Анна Дмитриевна: «Надо еще разобраться, почему драчунья. А может, она дерется потому, что беззащитного защищает?» Так и сказала. Вот.

Аниска внимательно поглядела на Катю. Правду говорит? Придумывает?

Но Катя не стала больше разговаривать. Она подала Аниске руку и повела за собой. И рука у Кати была крепкая и теплая, какою всегда бывает рука друга.

В лагере «Ракета» все собрались вокруг Миши Джорджио, Бори Гельфонда и Алика Головина. С волнением слушают ребята рассказ о землетрясении.

— Салом, дустлар! Здравствуйте, друзья! — Этими словами на аэродромах, на вокзалах встречали в начале лета ташкентских ребят, приехавших отдыхать в Подмосковье.

Ташкентцам здесь очень понравилось. Многие из них впервые увидели, как на полянах алеет душистая земляника, цветут ромашки, как просвечивает на солнце прозрачная зелень березок.

В пионерском лагере «Спутник» нас встретила Гуля Рудшетова. Она председатель совета дружины. Гуля показала нам лагерь, познакомила со своими товарищами.

На кухне в самом разгаре приготовления к обеду. Дежурный — ташкентец Игорь Герасименко — решил угостить всех вкусным узбекским супом — шурпой.

А на стадионе шла подготовка к спартакиаде. Ташкентские школьники Вадик Конычев и Гена Карабеков — лучшие баскетболисты «Спутника».

Мурат Валиев приводит в порядок старые столы. Ташкентские ребята с самого начала включились в жизнь лагеря. Каждый нашел себе занятие по душе.

Пионеры Подмосковья старались делать все, чтобы друзья из героического Ташкента чувствовали себя как дома.

САЛОМ, ДУСТЛАР!

НА РЕШАЮЩЕМ РУБЕЖЕ

А. БЕК

Недавно с группой зарубежных писателей мне пришлось вновь побывать в том знаменитом месте, возле разъезда Дубосеково, где находится памятник дравшимся здесь героям-панфиловцам.

Это место — широкое, ровное поле и небольшая возвышенность, которую вряд ли можно даже назвать высоткой. Достаточно встать там, где сохранились окопчики, чтобы представить себе, как все здесь было 16 ноября 1941 года, когда начался второй этап немецкого наступления.

Среди поля были устроены три узелка сопротивления, три редута, если вспомнить старое военное слово. Они расположены в 10—15 метрах друг от друга, и, как можно понять, в каждом из этих узелков находилось приблизительно по десять бойцов.

Какая задача им была дана? Находясь здесь, среди поля, впереди других наших войск, оторванные от остальных войск, они должны были держать под обстрелом все это пространство и, главное, по-видимому, отсекать немецкую пехоту от немецких танков.

Открытое поле очень удобно для танковой атаки. Танков у немцев было много. Позади танков, сопровождая их, прикрываясь их броней, шли цепи немецких автоматчиков. Наши бойцы стреляли из винтовок и пулеметов, чтобы заставить немецкую пехоту лечь.

Можно себе представить, сколько мин и снарядов обрушилось на три наших редута, на три крошечных очажка сопротивления. Наскакивали на окоп, конечно, и танки.

Люди выбывали из строя, постепенно их становилось меньше, но они продолжали стрелять, выполняя свою задачу, свой долг.

Этот подвиг, который и сейчас ясно представляешь, выйдя в поле у разъезда Дубосеково, глубоко волнует.

Подвиг панфиловцев — это не только героизм бойцов, это новаторская мысль командира дивизии Панфилова. Генерал Панфилов

впервые под Москвой отказался от прежней тактики сплошной линии обороны и применил новую оборонительную тактику. Он приказал удерживать только решающие оборонительные пункты, драться, не страшась быть окруженными, изматывать противника, не давая ему хода по важнейшим удобным для наступления дорогам. Эта новая тактика основывалась на доверии к советскому бойцу, на уверенности, что, даже оказавшись отрезанными от своих, наши бойцы будут драться до последнего дыхания.

А. А. Бек.

У разъезда Дубосеково произошло то, что происходило во многих других местах битвы под Москвой. Подобный подвиг был совершен бойцами панфиловской дивизии в деревне Горюны. (Сейчас деревни под таким названием нет на Волоколамском шоссе. Она носит название Анино.)

Так вот в деревне Горюны по приказу генерала Панфилова окопалась рота, которой было приказано продержаться на холме четыре дня. Держаться до последнего, даже если немцы отрежут роту от наших войск и рота окажется окруженной.

И бойцы продержались здесь четыре дня, не пропуская немецкие танки и немецкую пехоту по шоссе. Дорога, ведущая на Москву, оказалась словно запертой на замок.

Таких подвигов было совершено множество. Битва под Москвой — это битва массового героизма. И еще эта битва — победа нашей военной мысли.

Немцы, которые сравнительно легко прорывали оборонительные линии и продвигались на десятки километров в день, впервые под Москвой столкнулись с совершенно другой обороной, рассеченной. На любом направлении они натыкались на кулачок отпора и увязали на наших дорогах, теряя силы.

К моменту нашего контрнаступления 6 декабря наступательная сила гитлеровской армии была исчерпана. А наше командование исподволь подготовляло еще один план. Командиры нашей армии стали сосредоточивать резервы на флангах немецких войск. И эти резервы не пускали в ход. После разгрома наших войск под Вязьмой воевать под Москвой приходилось малыми силами, и, чтобы накапливать для удара целые резервные армии, в то время требовалось большое хладнокровие, мужество.

Немецкими войсками под Москвой командовал опытный, старый военный фельдмаршал Браухич. Он понял, чем грозят эти резервы на флангах его армии, и вовремя дал команду отступать. Если бы немецкие войска не отступили, они оказались бы в котле. Произошло бы то, что случилось под Сталинградом. Битва под Москвой оказалась первым звонком поражения гитлеровской армии.

Все места, где шла битва за Москву, — это священные места. Хорошо, если бы пионеры это помнили. Не везде еще могилы содержатся так, чтобы этим можно было гордиться. Нужно поухаживать за могилами воинов, позаботиться о памятниках героям. Интересно восстановить линию нашей обороны, найти ту избу, в которой был штаб генерала Панфилова, ту улицу, на которой его настигла немецкая мина, и всюду помочь установить памятные знаки.

Для меня было бы большим счастьем, если бы в этой работе путеводителем для вас стала бы моя книга «Волоколамское шоссе».

И еще мне хотелось бы, чтобы вы узнавали и изучали не только подвиги, но весь ход войны, всю правду о войне, иногда тяжелую, горькую, но правду.

Бойцы истребительного партизанского отряда продвигаются к намеченным объектам.

ТАНКИ ИДУТ

Маршал бронетанковых войск

М. Е. КАТУКОВ

Для вас, ребята, война — это история, для меня — часть жизни. И Московская битва для всех нас, ее участников,— незабываемое, суровое и героическое время...

Гитлер двинул на Москву ударную группу армий «Центр» — семьдесят пять отборных кадровых дивизий. В их составе — четырнадцать танковых и девять моторизованных. Почти в полтора раза немцы превосходили нас тогда в живой силе и в два с половиной раза — в авиации, артиллерии, минометах, танках.

Вы знаете, конечно, что первые дни войны были для нас днями тяжелых поражений. Именно в начале войны Гитлер добился большого перевеса сил.

Битва за Москву шла на огромном фронте в несколько сот километров. Вся армия держала фронт.

Мой командный пункт был на станции Чисмена. Рядом стояли войска Доватора и Панфилова. У меня были танки, у них — живая сила. Вот мы, танкисты, и поддерживали огнем наступление пехоты. Дрались отважно. Экипаж танка лейтенанта Лавриненко в бою у деревни Горюны расстрелял шестнадцать немецких танков!

Таким же отважным, как Лавриненко, помню и командира танковой роты Костю Самохина. Я послал его произвести разведку в деревню Надовражье. Как там немцы! На пути танкисты встретили двух деревенских мальчишек, попросили показать дорогу к деревне. Один, маленький, заплакал: «Я боюсь, там стреляют». Другой постарше: «А чего бояться, я туда за грибами ходил, знаю» — и провел танки.

И вот семь наших танков внезапно ворвались в Надовражье. Подавили гусеницами всю немецкую технику, мотоциклы, машины. У немцев — паника. Сообщают по радио начальству, что ворвались русские танки. Тогда из Турова и Дедова — с двух сторон — двинулось подкрепление немцам. Самохин, увидев немецкие танки, ушел в лес, на опушку. А они, немцы, друг друга посчитали за русских, и начался у них бой между собой. Самохин же то тем, то другим подсыпает. Вернулся, не понеся никакой потери.

Пятого декабря мы перешли в контрнаступление. Погнали немцев от Москвы. Наступали через деревни Павловская Слобода, Давыдово, Лукино, Еремино, Румянцево. Действовали вне дорог. Я командовал оперативной группой, мы освобождали Истру, отрезали от немцев и освободили Новопетровское и 20—21 декабря ударом двух групп взяли Волоколамск.

Из семидесяти пяти немецких дивизий в Московской битве были совершенно уничтожены тридцать восемь, а оставшиеся тридцать семь настолько потрепаны, что полки и батальоны сводились в роты. Гитлеровская операция «Тайфун» провалилась.

ДОКЛАДЫВАЕТ «СЛЕДОПЫТ-19»

Пароль «Полевые гвоздики»,

Девиз «Будь верен любви к Родине». Координаты отряда — село Каринское, Одинцовского района, Московской области.

Маршрут похода — линия обороны Звенигорода, места боев 612-го стрелкового полка 144-й пехотной дивизии. За время похода пройдено 69 километров, побывали в четырнадцати деревнях, встречались с очевидцами битвы, отметили на карте девять сохранившихся огневых точек.

На опушке леса, за деревней Андреевское, мы увидели поляну, где росло множество цветов и было небольшое озерко, а совсем у опушки, близ дороги,— обгоревший пень и огромный старый дуб. На дубе — доска с надписью:

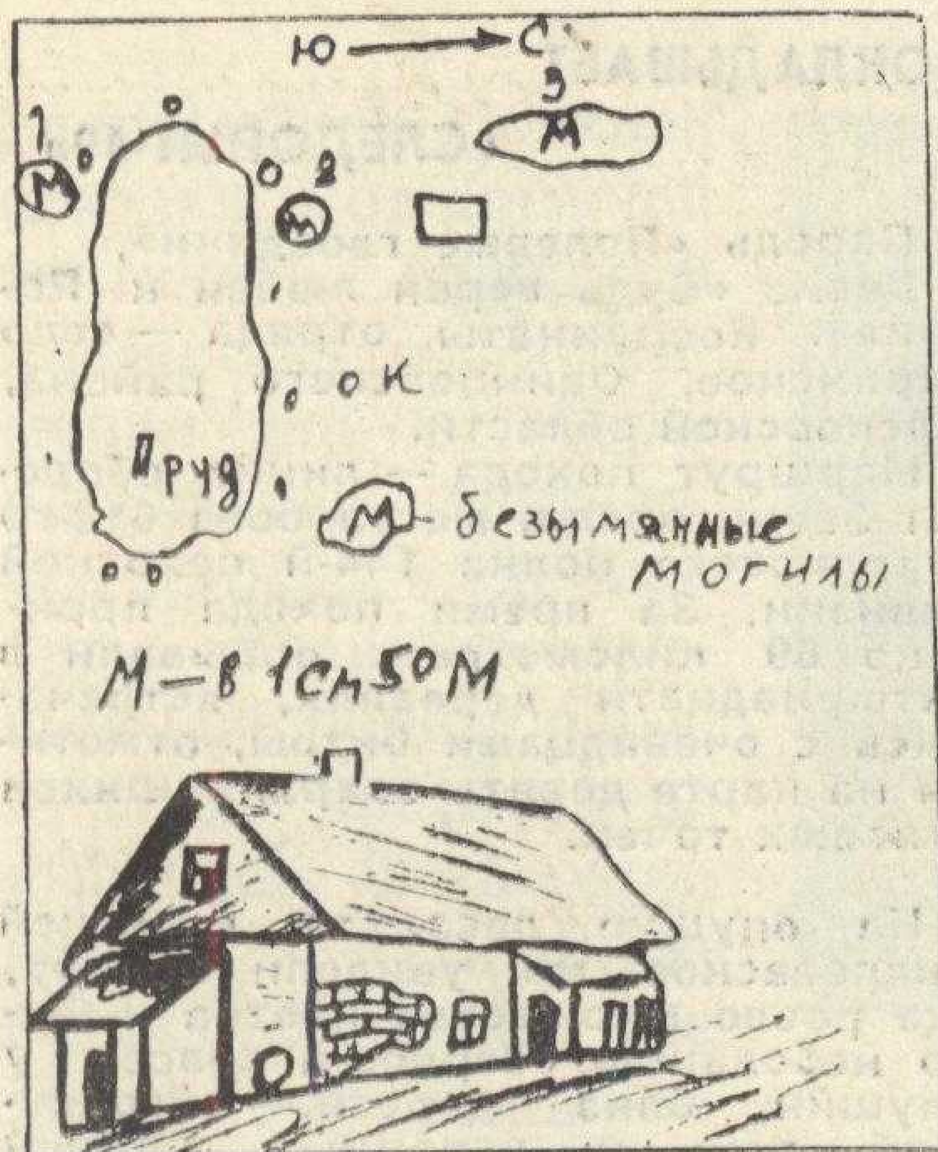

«На этом дубе немецкие фашисты мучили огнем и повесили комиссара партизанского отряда Рузского района Солнцева Сергея Ивановича, 11/XI—41 г.».

Мы уже знали, что посмертно Солнцеву присвоено звание Героя Советского Союза, могила его в городе Рузе.

Долго мы стояли в молчании, потом сфотографировали дуб и положили цветы к его подножию.

П/Я № 2331 ШТАБУ ОПЕРАЦИИ „ЦВЕТЫ НА БРУСТВЕРЕ"

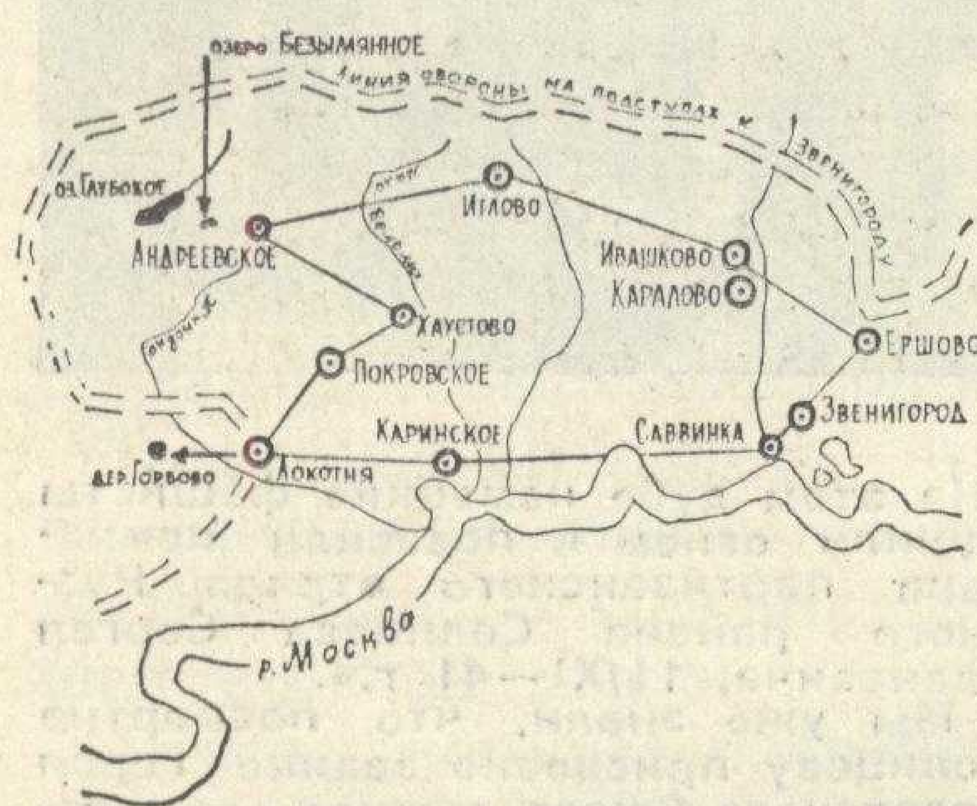

В хуторе Тараканово мы записали рассказ старожила Егора Гавриловича Демкина и зарисовали план места действия:

— В октябре 1941 года пришли сюда немцы. Двадцать три дня хозяйничали они у нас. В нашем доме был подвал, где прятались жители хутора и других сел. Были здесь сильные бои, русских солдат погибло девяносто три человека. Были у наших пулеметы и «катюша». Она стояла недалеко от дома, под яблоней. После боев убитых наших солдат мы перевозили на саночках в общие братские могилы.

Проходили через хутор два парня. Это была партизанская разведка. Мы их прятали в сарае.

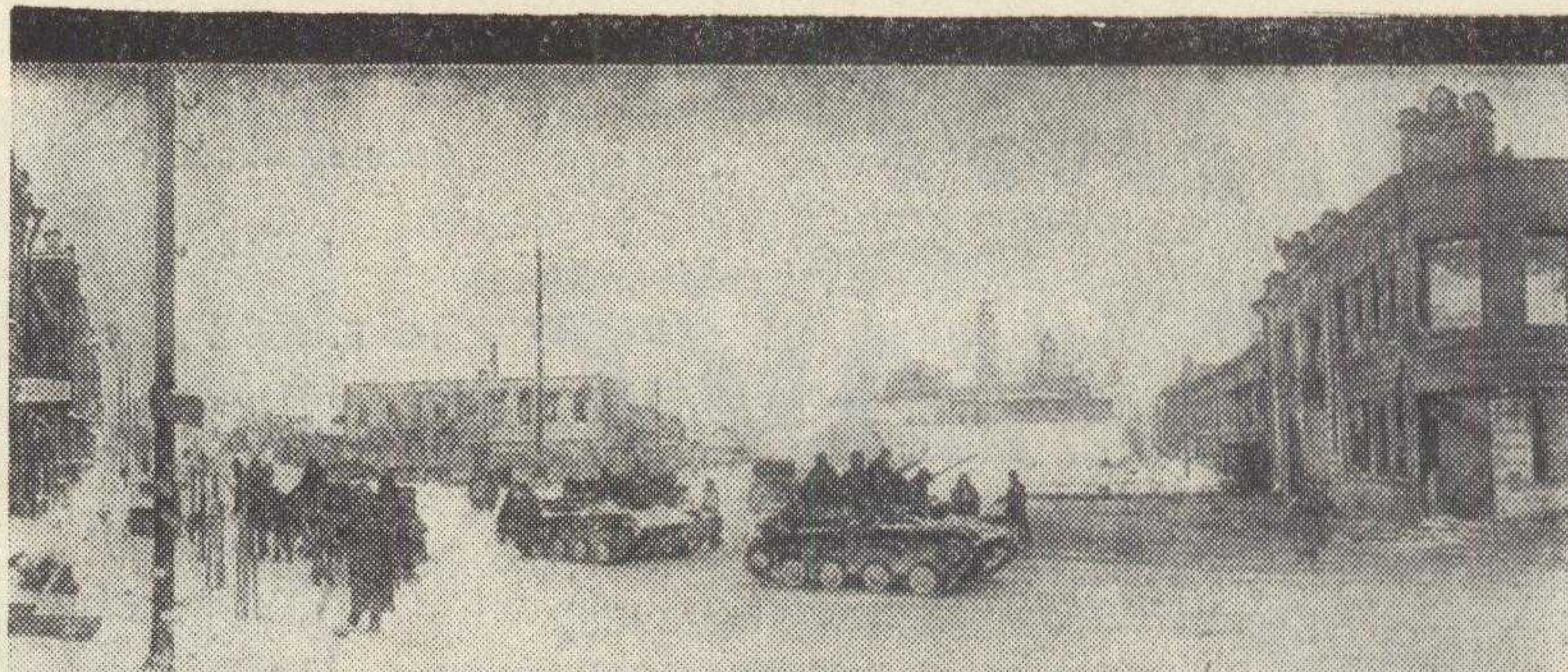
Через двадцать три дня наши красноармейцы отогнали немцев в соседнюю деревню Горбово. Так и прожил я всю войну в этом доме со своей женой Марией Даниловной...

Это схема нашего маршрута. Стрелка вверху показывает место у озера Глубокое, где был казнен комиссар партизанского отряда. Внизу стрелкой обозначена деревня Горбово, где мы узнали о расстрелянном молодежном отряде.

ПОХОД МАРШРУТУ ИСТРА-ДУБОСЕКОВО-ВОЛОКОЛАМСК
ЗАКОНЧИЛСЯ УСПЕШНО ВСЕ ИНТЕРЕСНОЕ ВЫШЛЕМ
РЕДАКЦИЮ СПЕЦИАЛЬНЫМ ПАКЕТОМ
ТУРИСТЫ ШКОЛЫ 175 МОСКВА

ИДЕМ ПАРТИЗАНСКИМИ ТРОПАМИ ОСТАШЕВСКОГО
РАЙОНА ПОДРОБНОЕ СООБЩЕНИЕ ВЫШЛЕМ ВОЗВРАЩЕНИИ
СЛЕДОПЫТЫ ШКОЛЫ 229 МОСКВА

Панорама Волоколамска в день освобождения 20 декабря 1941 года.

Горит подожженная фашистами Истра. Гитлеровцы всюду оставляли после себя «зону пустыни».

Митинг в Волоколамске на месте казни комсомольцев-подпольщиков.

За дверью с табличкой «Штаб операции «Цветы на бруствере» идет совещание. Командующий операцией маршал Советского Союза Филипп Иванович Голиков совещается с мальчишками. Завтра мальчишкам в путь. Сверяясь с военной картой, они — особая разведгруппа штаба — пойдут по дорогам войны. Цель их двухдневного рейда — смотреть и слушать. Маршрут — Волоколамское шоссе. Два дня они будут смотреть и слушать, как дрались здесь на подступах к Москве, как стояли насмерть в схватке с врагом и как погнали его назад на запад в сорок первом их отцы. И как сейчас, четверть века спустя, нынешние мальчишки и девчонки берегут память о тех славных и суровых днях.

Военные консультанты рейда — маршал М. Е. Катуков, полковник М. В. Бронников, писатель Александр Бек.

1. Мы, разведгруппа,— это члены Первомайского районного штаба Боевой Славы, красные следопыты 58-го московского интерната и прилетевшая самолетом из Свердловска группа специального юнкоровского отряда журнала «Пионер». С нами выходит в рейд писатель Владислав Петрович Крапивин. Командует рейдом бывший комиссар 9-й гвардейской дивизии, сражавшейся на Волоколамском направлении, Михаил Васильевич Бронников. Мы назвали себя группой «Следопыт». Слева — наша эмблема.

2. К северо-западу от Москвы уходит лента Волокс-ламского шоссе. Никаких признаков войны. Мелькают березовые рощицы, поляны, усыпанные ромашками. Спешат навстречу тяжелые молоковозы. Книжная лавка на колесах прямо у обочины развернула торговлю.

Путники на дороге. Стоп! Мы должны остановиться. Туристы 726-й школы Ленинградского района Москвы идут по заданию Дома пионеров в Ленино. Наши маршруты совпадают. Берем их с собой.

3. Деревня Садки. Михаил Васильевич показывает на старую церковную колокольню. Здесь 6 декабря 1941 года накануне нашего наступления располагался наблюдательный пункт 9-й гвардейской дивизии. Из решетчатых окон видно на десятки километров во все стороны. Прямо впереди деревня Ленино. Раньше она называлась Лупиха. Каждый мальчишка в округе знает: дальше Лупихи немцев не пустили. В Ставке Верховного Главнокомандования ходило крылатое словцо: отсюда, от Лупихи, мы начнем гитлеровцев лупить! Так оно и оказалось.

Узнав, что Михаил Васильевич воевал в сорок первом в этих местах, ребята атаковали его вопросами, шквалом вопросов. Наш командир вспоминал, рассказывал... Вокруг собирались все новые и новые слушатели, ребята и взрослые.

Схема нашего маршрута.

4. Вот тут, где мы стоим сейчас, шел бой. Из окопов под этим деревом поднялись в атаку подразделения 131-го стрелкового полка под командованием Николая Гавриловича Докучаева. Здесь совершила свой подвиг бесстрашная девушка-санитарка Саша Гущина. Под ураганным огнем противника она выносила с поля боя раненых. Саша была дважды ранена, но наотрез отказалась остаться в госпитале.

Старые окопы поросли травой, но даже сегодня мы нашли здесь стреляные гильзы. Местные ребята Володя Жилин и Володя Шалаев рассказали, что у них дома «свой музей немецких трофеев». Какие части сражались тут у их родной деревни, ребята не знают. От имени штаба передали задание совету дружины Ленинской школы — общими силами разузнать.

5. От Новопетровского до станции Дубосеково — места подвига двадцати восьми героев-панфиловцев — нас сопровождают отличные проводники — Надя Киреева и Юра Обухов. На велосипедах, попутных машинах и просто пешком они одолели сотни километров, изучая боевую историю Волоколамского шоссе. Они-то и вывели нас к голубому домику у самой дороги. В нем живет Петр Иванович Кузнецов. Одиннадцатилетним мальчишкой он вместе со своей матерью высмотрел, как фашисты минировали переправу через речушку, и вышел навстречу нашим танкам. Кузнецовы отдали тогда свой дом на настил для переправы. Танкисты не забыли своих спасителей: голубой домик с резными наличниками радует всех, кто попадает в эти края.

6. В кадре третий и четвертый отряды пионерского лагеря «Чайка». Они идут к дому Кузнецовых. В добрый путь! Мы только что оттуда. Наш маршрут ведет нас в село Михайловское. Здесь впервые сошлась с фашистами 78-я дальневосточная стрелковая дивизия, та, что стала потом 9-й гвардейской. Вот по этой круче шли дальневосточники в атаку, штурмуя неприступную, как казалось фашистам, высоту. И взяли Михайловское.

У братской могилы, что в центре села, свежие цветы. Значит, кто-то свято хранит память о тех, кто полег тут, защищая родную землю. Мы догадываемся, откуда цветы. Алик Сидеропуло находит невдалеке табличку: «Зона действия пионерского лагеря «Юность»...

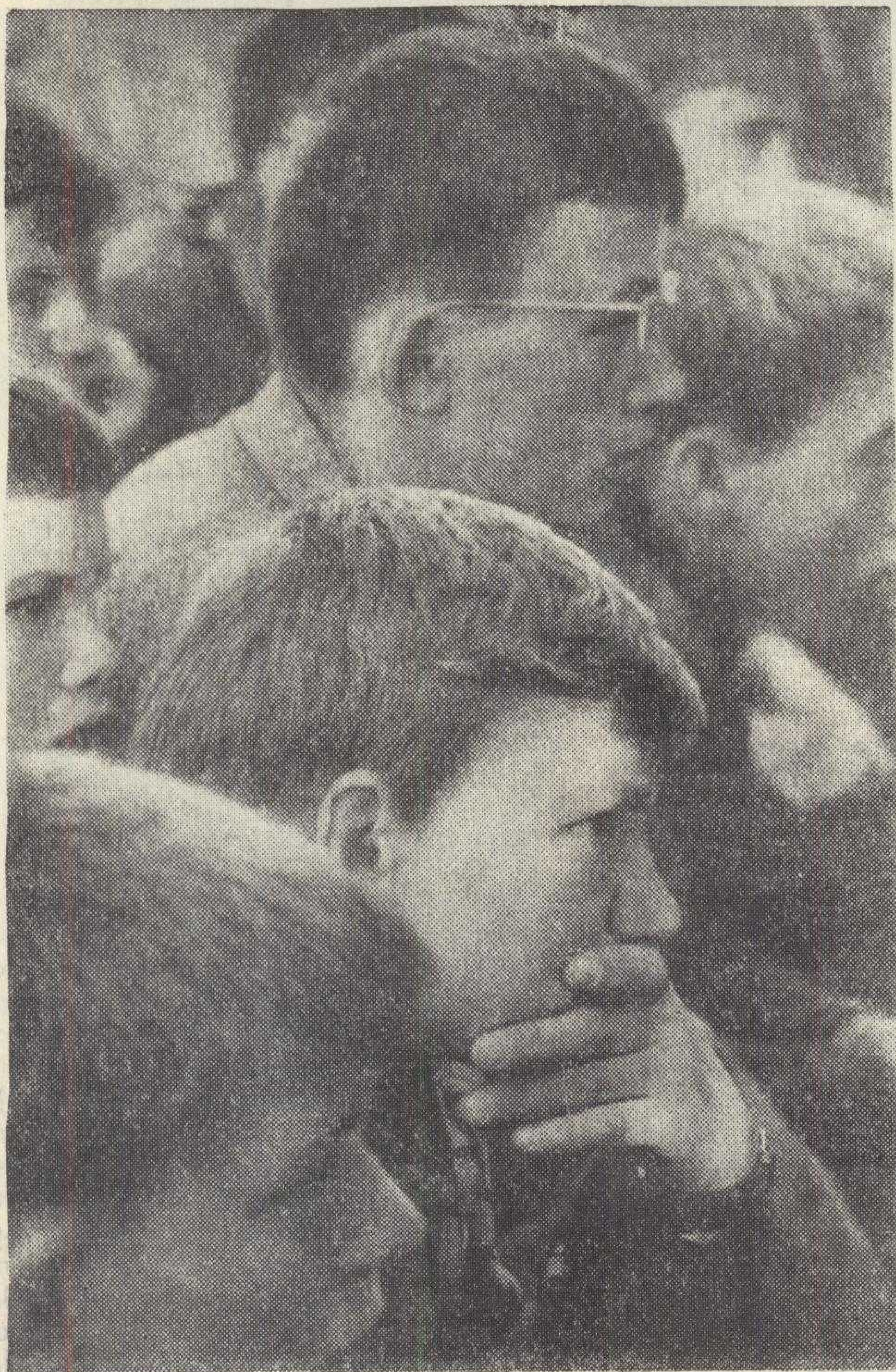

7. У деревни Анино (Горюны) погиб в бою лейтенант — танкист Лавриненко. О его подвиге рассказывает в этом номере маршал М. Е. Катуков. Только, к кому бы мы ни обращались, никто не знал в Горюнах, где похоронен герой. И вот наконец мы встретились с Татьяной Федотовной Калининой. Татьяна Федотовна припомнила, что после боя приезжали в деревню танкисты и увезли с собой тело убитого их товарища, лейтенанта. Увезли то ли в Березовку, то ли в Федюково... Может быть, это ключ к поиску? Ребятам этих деревень мы отправили телеграммы.

— Хорошее дело,— говорит Татьяна Федотовна.— О погибших надо помнить.

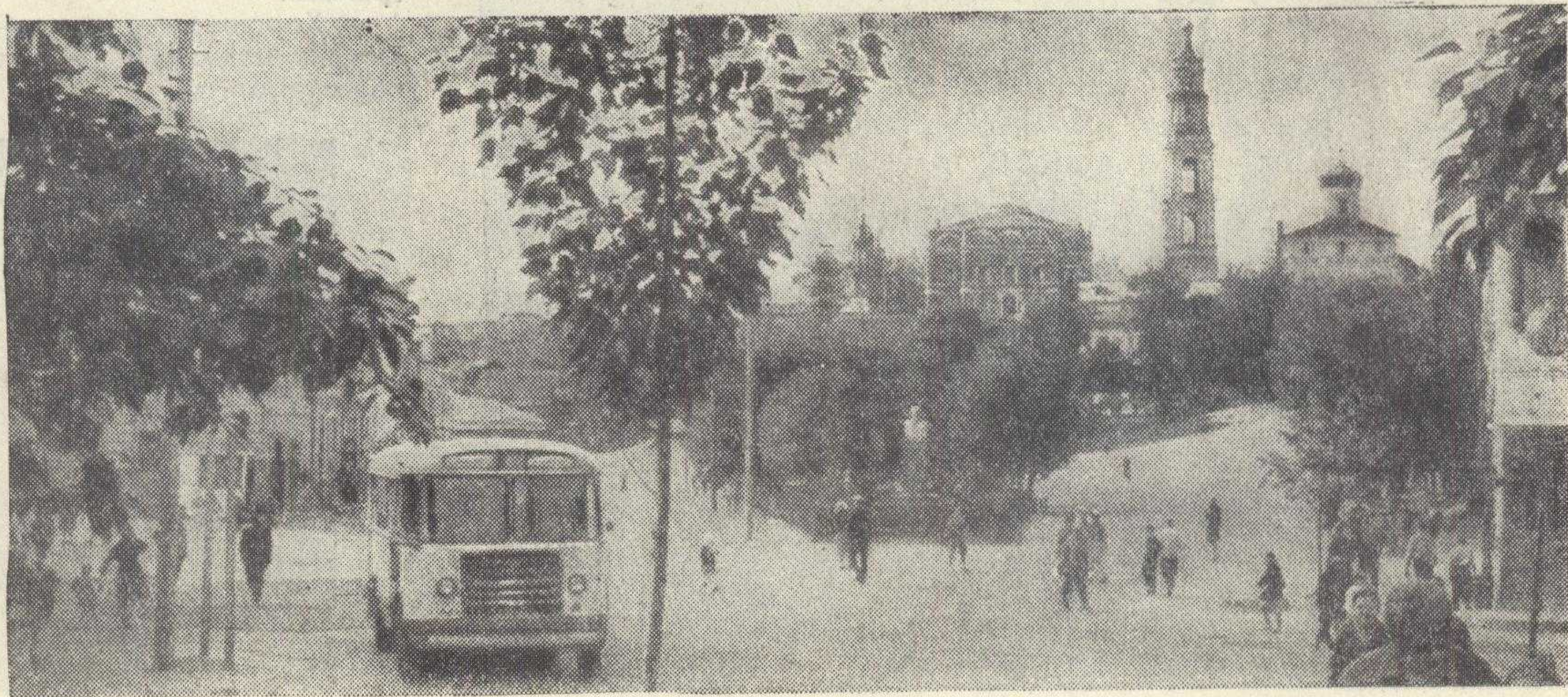

8. Проселочными дорогами, лесными тропами, обочиной шоссе шагают туристские группы. Сколько их встретили мы: десять — пятнадцать? Больше, конечно, больше! Наш шофер Степа, завидя ребят, уже не дожидается приказа командира — сам останавливает автобус. Если ребятам с нами по пути, мы берем их с собой. Нет — устраиваем общий привал. Нам интересно послушать, что узнали, где побывали они; им — расспросить поподробнее нас. Особенно нашего командира.

Встречи на дорогах — это всегда новые открытия. Разговорились мы с новопетровскими ребятами и напали на след интереснейшего человека — Якова Петровича Голубева. В сорок первом он партизанил в тылу у фашистов. В подмосковных лесах в ту пору действовали сотни партизанских отрядов. Все вместе они так трепали фашистам нервы, что немецкое командование сняло с фронта несколько дивизий, чтобы укрепить с тыла свою группу «Центр».

9. В городе Волоколамске наш маршрут подошел к концу. Мы едем в обратный путь. Позади у нас двести километров, сотни встреч, блокноты, полные записей, рулоны отснятой кинопленки. Мы везем с собой материалы, которые передадим Музею Вооруженных Сил СССР, Истринскому и Волоколамскому музеям и, главное, сообщение штабу: на Волоколамском направлении красных следопытов с каждым днем прибывает!

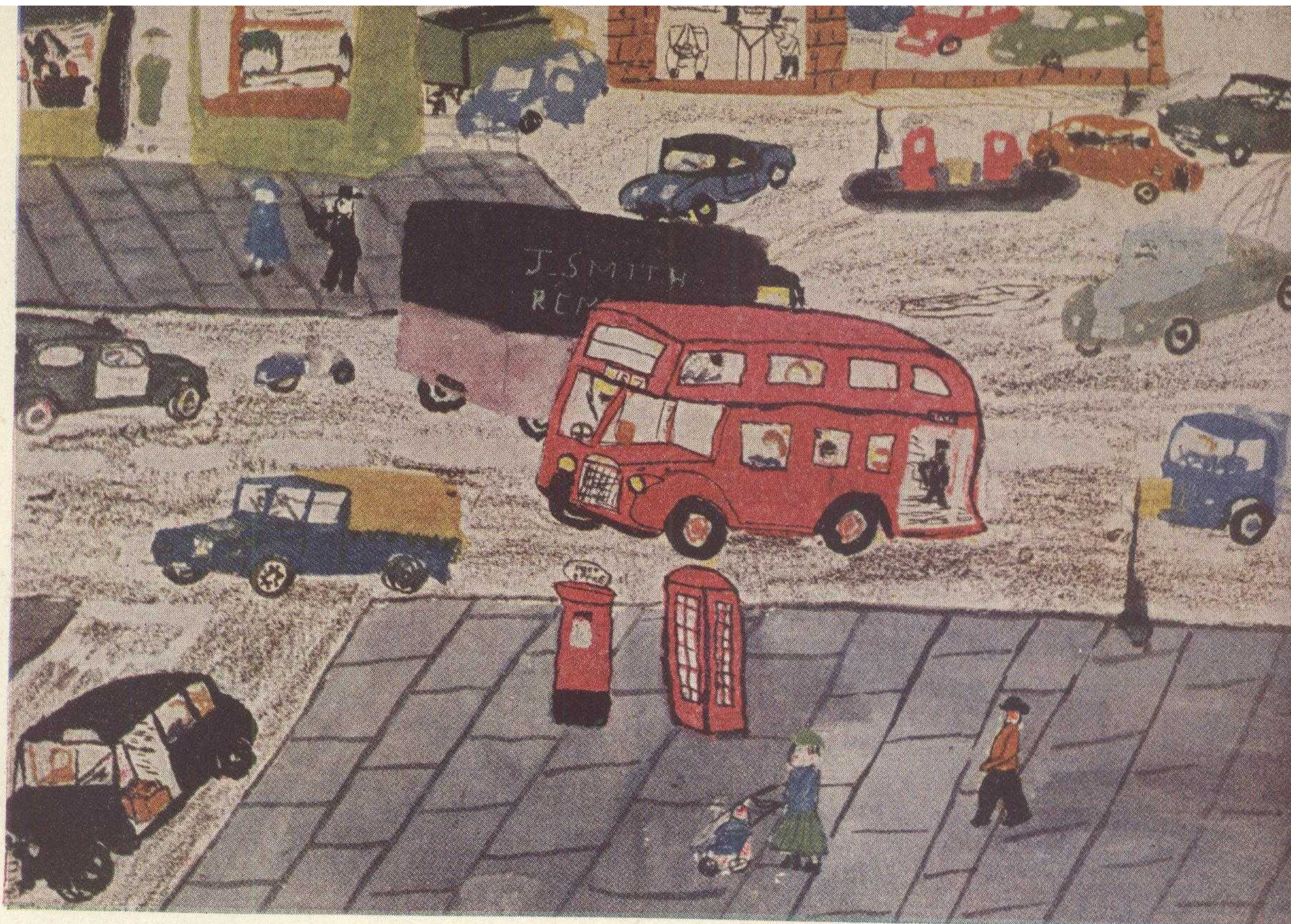

В СОВХОЗЕ

Ира Титорова. СССР.

ПРАЗДНИК «СЭЦУБУН»

Судо Ясакадзу. Япония.

КРАСНЫЙ АВТОБУС — **Перера Джордж.** Англ

Я ИДУ С ОХОТЫ — **Опио К.** Уганда.

Людмила НИКОЛАЕНКО

Дождик

Под ногами,
Как живые,
Скачут
Капли дождевые.
Я бегу
Под мокрым небом.
Мне напротив —
Я за хлебом.

У меня над головой
Мамин зонтик
Дождевой.
Дождь ворчит, ворчит,
ворчит,
В зонтик
Пальцами стучит:
— Ты плохая!
Ты плохая!
Потому что
Ты сухая,—
Я из облака лечу,
Промочить
Тебя хочу.
Брошу капли
Золотые,
Продырявлю
Все зонты я.
Будут дырочки
С копейку,
Превратится
Зонтик в лейку,
И промокнет
Каждый,
Как листок
Бумажный.
Не ходите
По делам,
Разбегайтесь
По домам!
Я сказала:
— Что ты! Что ты!
Или нет
Другой заботы!
Ты пошел бы
На поля,
Может, высохла
Земля,
Может,
Грядки и сады
Погибают
Без воды!

Рисунок Ф. ЛЕМКУЛЯ.

ОРИЕНТИР — ПОРТРЕТ МАМЫ

Вот какая забавная история произошла в столице Норвегии городе Осло.

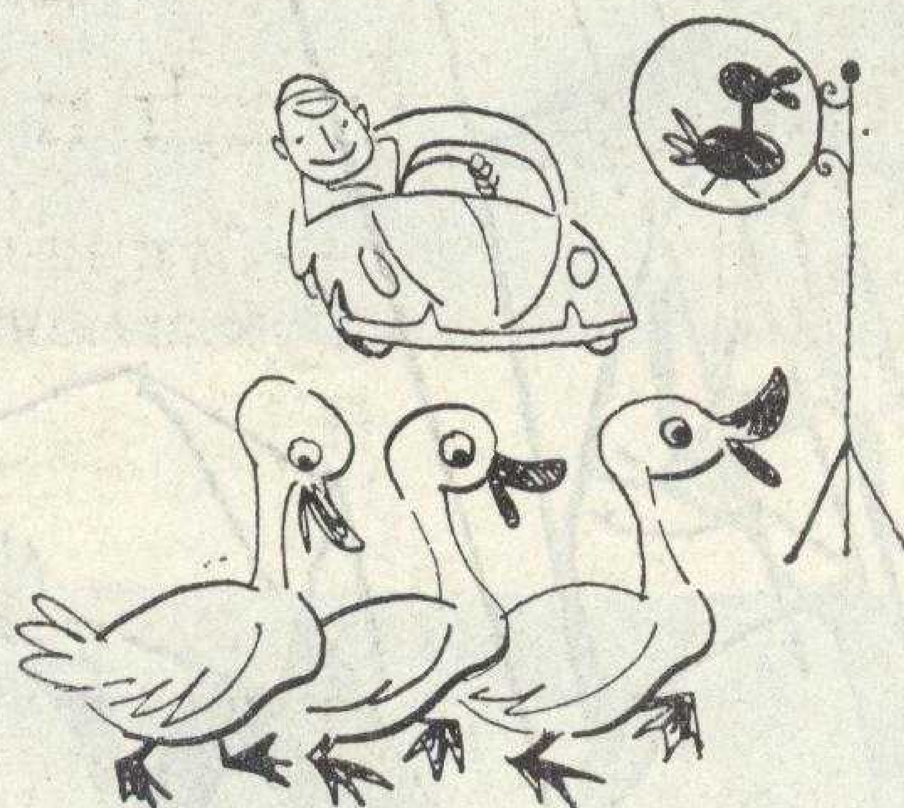
Вырос на окраине новый поселок. Много домов, но все дома, как близнецы, совершенно одинаковые. Поди разберись, кто в каком живет? Взрослые и то путают. А малышам и совсем худо: возвращаются из школы и блуждают, в одно парадное заглянут, в другое...

И тогда пионеры, дети рабочих, которые живут в поселке, решили помочь малышам. Обошли дома, поговорили с родителями... И на следующее утро малыши уверенно шагали из школы. Каждый безошибочно отыскивал свой дом. Еще бы, перед ними были такие ориентиры: фотографии... мам на дверях подъездов...

ОСТОРОЖНО: УТКИ!

А вот что придумали ребята, живущие неподалеку от голландского города Гааги. В их районе очень много водоемов, и в каждом селятся утки. Но утки — публика непоседливая. Надоело плескаться и плавать в своем пруду — вышли на берег и потопали через дорогу в соседний. А на дорогах сильное движение, уйма машин и велосипедистов. Того и гляди какой-нибудь отчаянный гонщик ненароком передавит беззаботно бредущих уток: им же неведомы правила осторожности на дорогах...

И тогда собрали ребята фанеру. Из фанеры выпилили кружочки. На кружочках изобразили, как могли, шагающих уток. Изображения получились не очень удачными, но во всяком случае, глядя на них, можно было понять, что перед вами не воробьи, а утки, и ехать, следовательно, надо повнимательнее.

Сейчас новый дорожный знак, придуманный ребятами, признан и утвержден официально. И вместо самодельных кружков из фанеры большие металлические щиты предостерегают водителей: осторожно, утки!

«МЫ РАДЫ ВСТРЕЧЕ»

Дворец, в котором принимают более всего гостей! Да, пожалуй, это Дворец пионеров на Ленинских горах в Москве. Ребята со всех концов страны, пионеры с разных концов света — все спешат побывать здесь. На снимке: хозяева дворца с норвежскими друзьями.

ТАНЕЦ-КОНКУРС

Каждый год в одном из городов Финляндии проходят большие пионерские игры. Многие ребята мечтают стать их участниками. Но не так просто добиться этого.

Завоевать право поехать на игры можно во время веселых карнавалов-конкурсов.

Аккордеонист играет «летку-енку». Мальчишки и девчонки выстраиваются цепочкой и начинают танцевать. Никто из них не подозревает, какие экзамены устроят ведущие.

А они люди хитрые. Помалкивают, поглядывают себе, и вдруг свисток. Стоп. Ведущий выясняет, кто из ребят догадался положить в карман носовой платок. Есть платок — помаши им и танцуй дальше, нет — ничего не поделаешь, отходи в сторонку.

Вторая остановка — выбывают ребята, не догадавшиеся взять расческу.

Все меньше цепочка танцующих. Вот всего четверо осталось: два мальчика и две девочки.

Еще одна проверка, и покидает поле боя девочка, забывшая застегнуть карман пионерской куртки. Продолжается танец. Какое новое испытание ждет танцоров? Вдруг кто-то из зрителей предлагает проверить у мальчишек задние карманы брюк. Оказывается, карманы не застегнуты.

Состроив недовольные гримасы, мальчишки обиженно бредут в сторону. Ведущий помогает подняться на пьедестал победительнице: самой аккуратной и сообразительной.

18 августа 1944 года здесь, в Бухенвальде, был расстрелян фашистами Эрнст Тельман. Каждый год в этот день юные тельмановцы повторяют клятву антифашистов.

«РАДЕЦКИЙ» ВОЗВРАЩАЕТСЯ К РОДНЫМ БЕРЕГАМ

Корабль «Радецкий» так же легендарен в Болгарии, как в нашей стране «Аврора», как шхуна «Гранма» на Кубе.

Много лет назад в штормовую ночь на борту этого корабля приплыл к берегам Болгарии отряд смельчаков. Их возглавлял замечательный болгарский поэт и революционер Христо Ботев...

Прошли годы. Давно уже не существует легендарный корабль.

Пионеры Болгарии, готовясь отметить юбилей Христо Ботева, решили: пусть снова обретет жизнь «Радецкий».

Каждый отряд обязался внести свою лепту в постройку какой-нибудь части корабля. Одни собирали средства на мачты, другие заботились об оборудовании капитанской рубки, третьи — о трюмах и палубах...

В дни юбилея возрожденный «Радецкий» сошел со стапелей и поплыл по Дунаю, унося на борту самых лучших ребят-строителей.

Они вышли на берег на том самом месте, где столетие назад высадился Христо Ботев и его боевые друзья.

Говорят, это был очень веселый десант.

ОБЪЕДИНЯТЬ И СТРОИТЬ

«Будь готов объединять и строить!» — девиз пионеров Бельгии.

Каждый, кто надевает красный галстук, всегда помнит об этом. Нужно собрать средства, чтобы помочь детям Африки. Первыми откликаются пионеры. Идут демонстранты и требуют прекратить агрессию во Вьетнаме. И в их рядах вы непременно увидите пионеров.

Если летом на окраине какой-нибудь деревни вырастают палатки пионеров, жители знают: у них появились добрые помощники.

Первого мая и седьмого ноября колонны пионеров выходят на улицы городов и сел. Они идут вместе со старшими товарищами—коммунистами.

Быть достойным учеником и помощником коммунистов — главная пионерская заповедь. И пионеры с честью выполняют ее. В дни, когда вспыхивают забастовки, берут под свою опеку детей рабочих, во время предвыборных кампаний организуют митинги, распространяют газеты и плакаты.

Надежные, верные друзья у коммунистов Бельгии!

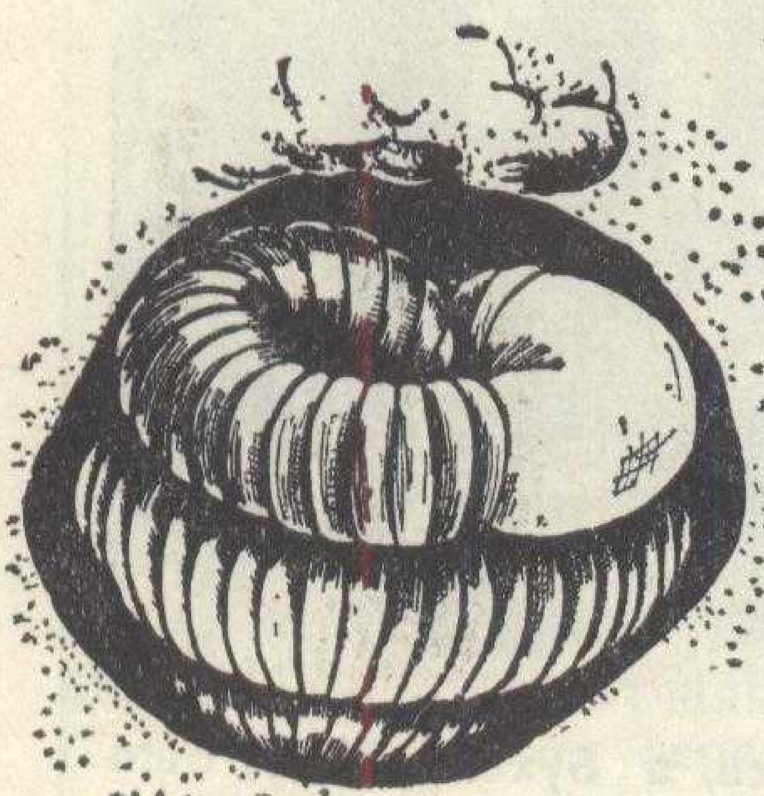

ПОДЗЕМНЫЕ ТРУЖЕНИКИ

В. КОВАЛЕВ,
С. ОШАНИН

Дождевые черви заселили всю землю. Их находят даже на безжизненных островах вокруг Антарктиды, а на севере они встречаются на Таймыре и на Новой Земле.

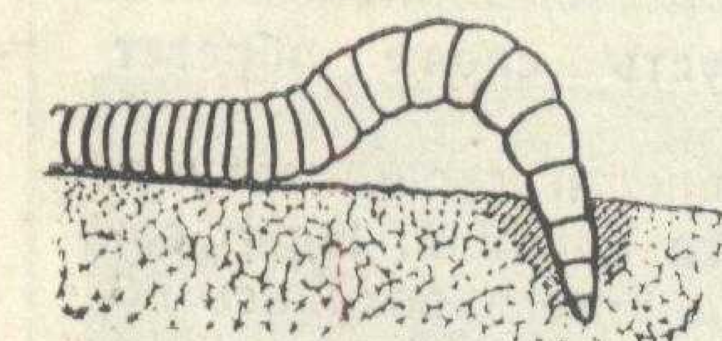
Черви разных видов очень похожи друг на друга. Всего видов около ста восьмидесяти, и различить их может только опытный специалист. Но мы с вами не будем учиться отличать один вид от другого, мы познакомимся с жизнью этого неприятного на вид, а на самом деле удивительного и очень полезного создания.

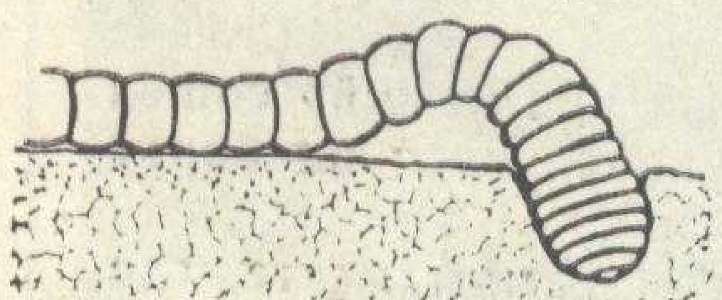

И ДОМ И ПИЩА

Пища червей — земля и опавшие, полусгнившие листья. Чтобы насытиться, животному надо все время пропускать сквозь кишечник эту малопитательную смесь. За сутки перерабатывается огромное количество земли, в восемь раз превышающее вес самого червя. Так и сверлят они землю изо дня в день, по всем направлениям пронизывая ее норами. В старину считали, что свои ходы черви прорывают, заглатывая землю, вгрызаясь в нее, но великий английский ученый Чарльз Дарвин после долгих наблюдений убедился, что это не так. На самом деле червь силой своих мышц вдавливается в землю.

Передний конец тела утоньшается и заостряется, и червяк выбрасывает его вперед. Затем мышцы утолщают и укорачивают его, и все тело подтягивается, раздвигая землю. Червю помогают ползать и крохотные, незаметные простым глазом, но очень крепкие и острые щетинки, расположенные на брюхе.

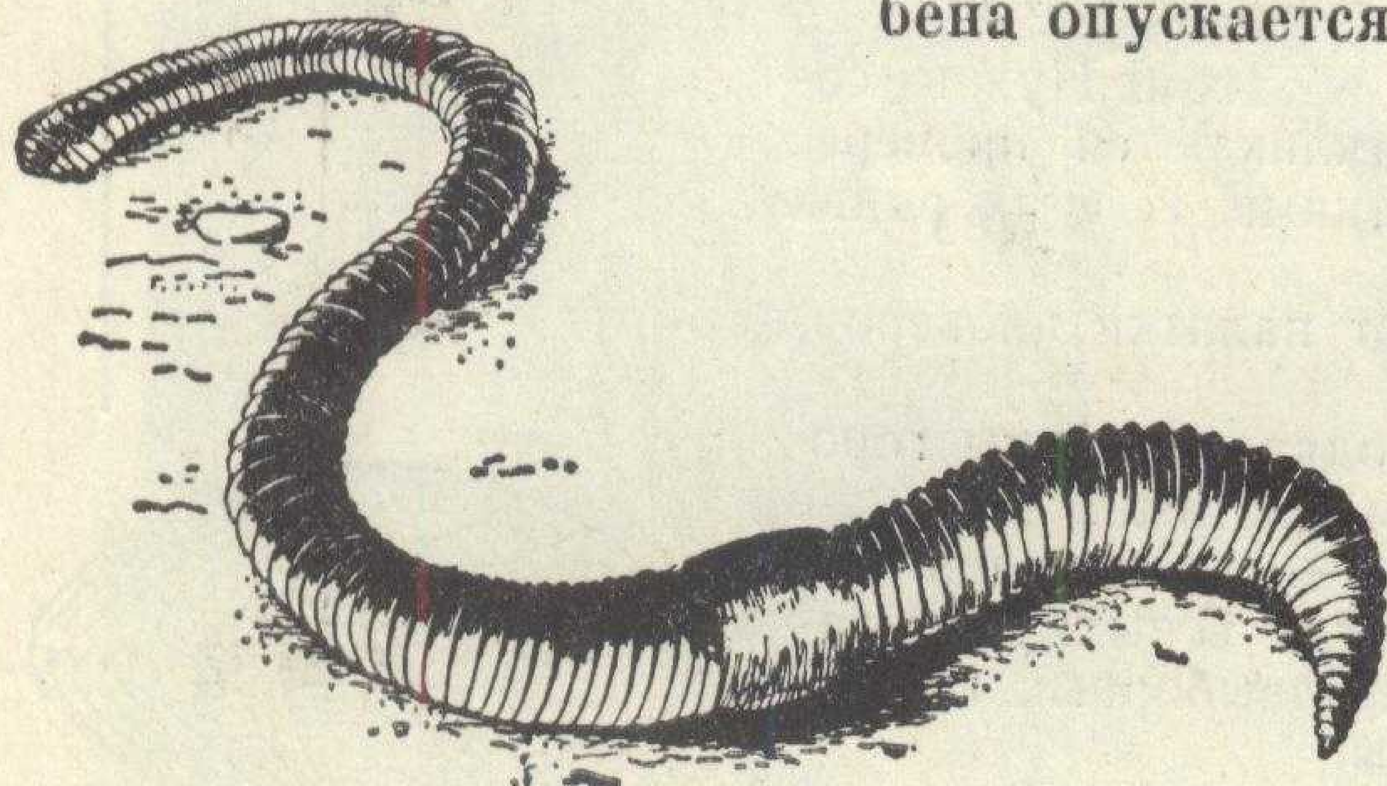

Движение червя

Спокойный червяк двигается медленно. На поверхности земли скорость его — около двадцати сантиметров в секунду. Испуганный или раздраженный может двигаться намного быстрее. Иногда черви даже делают скачки, особенно когда приходится спасаться от врага.

Живут эти существа долго, до десяти лет, а один из них прожил в неволе целых пятнадцать лет. К зиме черви уходят в глубь земли. Зимуют на глубине в два-три метра, свернувшись в плотный клубок и одевшись слоем слизи. На юге спячка наступает летом, в засушливое время. Чтобы не погибнуть без воды, червь мариупольская дендробена опускается на глубину до восьми метров.

ЕСЛИ ЧЕРВИ ИСЧЕЗНУТ

Представьте себе сухую, растрескавшуюся землю. Ни травинки, ни кустика. Прошел дождь, но вода стоит лужицами, она не может проникнуть в глубь земли и постепенно испаряется, почти не принося пользы... Таким станет поле, если исчезнут дождевые черви.

Что же они делают в почве?

Чарльз Дарвин первый занялся изучением чер-

вей и уже на склоне лет сделал свой знаменитый вывод: «Вряд ли найдутся другие животные, которые играли бы столь большую роль в истории мира, как дождевые черви».

Ходы, которые они роют, пропускают воздух и прекрасно вентилируют почву. Сквозь них в почву проникает вода и минеральные соли. Ученые подсчитали, что на один квадратный метр приходится более полутора тысяч ходов, уходящих на глубину в несколько метров.

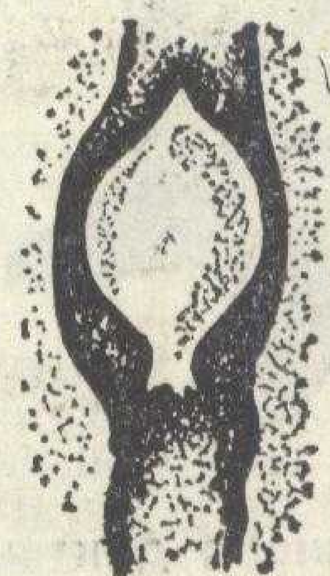
Не только вода, но и корни растений, которые на глубине двух метров уже не могут сами пробить себе дорогу в твердой земле, спускаются по стенкам нор. Ходы червей долго не разрушаются, частички земли накрепко склеены слизью. На стенках ходов поселяются полезные для растений бактерии и грибы.

Дождевые черви не только буравят, но и заглатывают землю. Почва, которая проходит через их кишечник, затем выбрасывается в виде гладких склеенных комочков. Комковатая, или, как ее называют, структурная, почва более плодородна, лучше проводит воду, воздух, удобрения.

Но и это еще не все. Черви как бы перемешивают, перепахивают землю. Только за один год они на одном гектаре переносят с поверхности земли вглубь и обратно более шестисот тонн земли.

Дарвин писал: «Плуг принадлежит к числу древнейших и имеющих наибольшее значение изобретений человека; но еще задолго до его изобретения почва регулярно обрабатывалась червями и всегда будет обрабатываться ими».

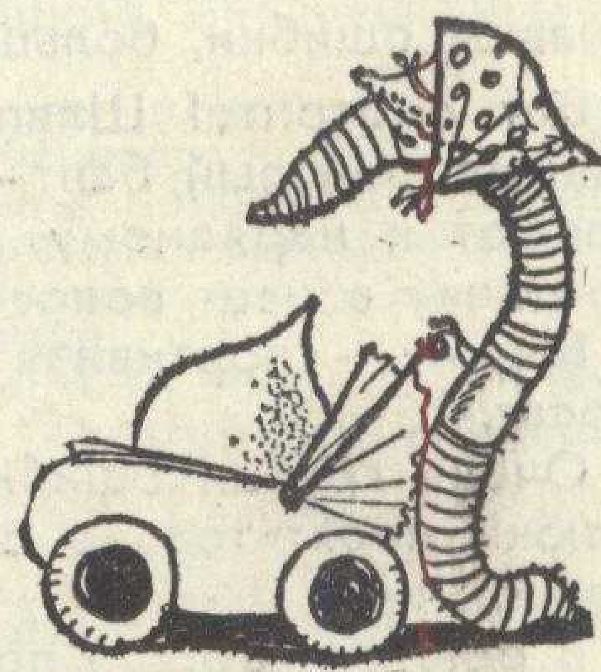

Кокон дождевого червя в норке

А советский исследователь Чекановская назвала ходы червей проводниками жизни в глубь почвы. Действительно, нет других животных, которые бы сыграли такую роль в почвообразовании, как дождевые черви. Пожалуй, с ними могут сравниться только бактерии и растения.

ЖИЗНЬ, ПОЛНАЯ ОПАСНОСТЕЙ

С давних времен человек использовал дождевых червей для самых разных целей. Туземцы Новой Зеландии просто-напросто ели их, в других странах делали из них лекарства. Рыбакам известно, какая отличная наживка — дождевой червяк. Ими откармливают домашних птиц и рыб.

Но самая главная польза человеку от подземных тружеников — это их работа в земле, незаметная и никогда не прекращающаяся. Поэтому лучше не скармливать червей домашней птице, а оберегать их от врагов, которых достаточно много. Зимние запасы кротов в основном состоят из червей. Крот откусывает у них передний конец тела, и в течение нескольких месяцев, пока этот конец снова не отрастет, червь впадает в оцепенение, он беспомощен, не может никуда уползти. Но он остается живым, и хитрые кроты обеспечивают себе на всю зиму вкусный и свежий корм.

По ночам у выходов из норок червей подстерегают жабы и лягушки. Конские пиявки выползают ночью из воды и заглатывают червей целиком. В организме червя живут различные паразиты.

Много врагов у дождевого червя, но самое обидное, что к ним иногда присоединяется человек. До сих пор существует мнение, что черви приносят вред посевам. Часто на огородах их выбирают из земли и лопатой разрубают на мелкие кусочки. Так, не ведая того, человек убивает друга. Но теперь-то уж, ребята, вы знаете. Не давайте же в обиду дождевого червяка, объясняйте другим, как он полезен.

Храбрые портняжки

КРИТИКУЮТ И СОВЕТУЮТ

Ты написал диктант и отдал тетрадь учителю. Как будто все верно, все по правилам орфографии. Но вот тетрадь вернулась к тебе — и сколько пометок красным карандашом, сколько ошибок!

Девочка, которую ты видишь на фотографии вверху слева, уверена, что она одета красиво, со вкусом. Но если мы возьмем наш «красный карандаш» и исправим ошибки, больше двойки она не получит!

Вот смотрите! Шляпа с большими полями и белый капроновый бант — очень плохо. Такой бант надевают к нарядному платью. А в школу — узкую ленточку в цвет волос или в цвет школьной формы.

Брюки — спортивная одежда, с брюками бант не носят.

Очень грубая ошибка одевать брюки под платье. Брюки носят только с блузами, жакетами, джемперами.

В брюках хорошо пойти в поход или на стадион, в брюках удобно заниматься спортом. В школу, в библиотеку, в гости брюки не надевают.

Брюки заправлены в яркие носки. Такие носки подходят только к спортивной одежде.

Пальто не должно быть короче платья. Надо или платье укоротить, или пальто удлинить — отпустить подшивку.

Фотография черно-белая, но если бы мы видели цвет одежды девочки, мы нашли бы еще несколько грубых ошибок. Пальто красное, платье синее в белый горошек, шляпа розовая, бант белый, варежки пестрые — винегрет! И в довершение всего — громадная голубая спортивная сумка на узеньких плечиках!

Говорят: на вкус, на цвет товарища нет. У всякого свой вкус. Хороший вкус — это тонкое чувство красоты, умение отличить красивое от некрасивого.

На все случаи жизни дать рецепты, конечно, нельзя. Давай поговорим о том, как правильно сочетать разные предметы одежды, как подобрать цвет и рисунок ткани, где и когда носить разные вещи.

Не уговаривай маму покупать тебе пестрые, яркие платья. Такие платья быстро надоедают. Сочетать их с другими вещами трудно.

К одноцветному платью легче подобрать жакет или жилет. Клетчатый жилет и мягкая шапочка из ткани жилета придадут платью повседневный, деловой вид. В нем можно ходить весной по улице, зимой после занятий — в библиотеку или на выставку.

Без жилета, с белым воротничком платье выглядит наряднее. В нем можно пойти в гости, в театр.

К такому платью подходит и любое пальто и спортивный плащ.

Обрати внимание: у девочек, которых ты видишь на верхней фотографии, помещенной на соседней странице, красивые мягкие шапочки. По цвету они хорошо сочетаются с пальто: бело-синее клетчатое пальто и синяя шапочка, синий плащ и белый берет.

Даже летом однотонное платье выглядит красиво. Если к такому однотонному хлопчатобумажному платью сшить еще жакет, платье будет совсем нарядным. Гораздо красивее, чем дорогие капроновые или шелковые платья, к которым никакие жакеты не подходят.

Я знаю, есть такие девочки, которые считают, что дома можно одеваться как попало. Так, наверно, думает и девочка, которую ты видишь на фотографии вверху справа.

На пестрое ситцевое платье с воланами она надела джемпер в полоску. А поверх джемпера — еще пояс от платья!

Воротники никогда не надевают один поверх другого. Разная форма воротника, разный материал, разный цвет — все вместе это безвкусно.

Вряд ли в комнате нужна девочке косынка, тем более пестрая. И пестрые гольфы с домашними тапочками — тоже очень неудачное сочетание.

Дома, как и всюду, нужно быть одетым аккуратно и со вкусом, чтобы всем окружающим было приятно на тебя смотреть.

Мальчикам я советую носить спортивную одежду. Хлопчатобумажные брюки с поясом или короткие брюки — шорты. Рубашка из ткани брюк выглядит на мальчиках очень красиво, гораздо приятнее, чем пестрая. К гладкой рубашке легче подобрать пиджак, он может быть любым — и в клетку и в полоску. На рубашку-ковбойку клетчатый пиджак уже не наденешь — некрасиво! Два пестрых материала очень редко хорошо сочетаются друг с другом.

Ну, а теперь посмотри еще раз на фотографии, реши, какие ошибки делаешь ты, и давай начнем воспитывать вкус, одеваться аккуратно и красиво.

Лилиан **КОЗЕНКРАНИУС**

Вы, наверно, помните Джона Сильвера из книги Р. Стивенсона «Остров сокровищ».

Джон был очень рассеян и сделал себе два одинаковых ключа от сундука с сокровищами.

Найдите их среди этих ключей.

ОТВЕТЫ *на задачи,* ПОМЕЩЕННЫЕ В № 6

ЗАГАДОЧНЫЙ МАРШРУТ

1. Париж до III века н. э. назывался Лютецией. 2. Марсель. Город возник на месте древнегреческой колонии Массилии. 3. Тунис. Город расположен на месте древнего Карфагена. 4. Дуррес, портовый город в Албании; в древности — греческая колония Эпидамн. 5. Белград. Название это встречается в источниках с IX века; древнейшее название города — Сингидунум. 6. Дунай. В древности эту реку называли Истром. 7. Черное море. Древнегреческое название — Понт Эвксинский, что значит «гостеприимное море». 8. Крым. Древнейшими обитателями Крыма были племена тавров, отсюда и прежнее название полуострова — Таврия, или Таврида. 9. Керченский пролив — в древности Боспор Киммерийский. 10. Керчь — в древности город Пантикапей, основанный греческими колонистами, а затем ставший столицей Боспорского царства. 11. Азовское море, его древнерусское название — Сурожское море. 12. Дон в древности назывался рекой Танаис. 13. Ростов, расположенный невдалеке от впадения Дона в Азовское море.

Энтомолог Е. БАЦЫЛЕВ

НАШЕГО ПОЛКУ ПРИБЫЛО

Внимание, защитники леса, сада и огорода! Нашего полку прибыло! Перед вами войска союзников. Ежечасно и ежеминутно на каждом дереве, на каждой грядке уничтожают они полчища тлей, короедов и других насекомых-вредителей. Хорошенько запомните их, охраняйте, рассказывайте о них тем, кто думает, что любое насекомое в саду вредное.

Итак, представляем вам наших союзников, тех, чьи портреты красуются сегодня на нашей обложке.

1. **Большой наездник — это союзник № 1.** Как бы оседлывая верхом свою жертву, наездник (вот почему его так назвали!) откладывает свои яички в яйца вредителя, в тело его живых личинок, куколок да и во взрослых насекомых — жуков, мух, тлей. Там яички превращаются в личинок, которые живьем поедают своих «хозяев». Некоторые наездники откладывают за раз по 30—60 яиц!

2. **Золотоглазка (хризопа).** Ее всегда легко узнать по огромным выпуклым, отливающим золотом глазам и блестящим крылышкам. Лениво и, казалось бы, беззаботно порхающая среди растений хризопа несет гибель сотням червецов, тлей и других мелких насекомых. Они служат ей пищей. Хищные личинки хризопы (б) бегают по стволам растений и ловят тлей. Потому их и прозвали тлевыми львами.

Личинка очень прожорлива. Иногда из пустых шкурок тлей на ее спине даже образуется нечто похожее на щит черепахи. Личинка не старается сбросить его, а использует как защитный покров для своего мягкого тельца. На рисунке: а — яички хризопы.

3. **Золотистая жужелица.** Хищник, поедающий майского жука.

4. **Богомол.** Этот хищник обычно подстерегает свою жертву в засаде. Он ловко прячется в зелени, сливаясь с травинками и листьями, а потом неожиданно распрямляется и своими длинными ногами хватает добычу — мух, тлей, жуков, цикадок и других вредителей. На рисунке: а — яйцекладка.

5. **Наездник Рисса.** Его мишень — личинки жуков-усачей и рогохвостов, те, кто больше всего вредит хвойным деревьям.

6. **Наездник.** Он откладывает яички только в гусениц озимой совки.

7. **Теленомус.** Гроза для вредной черепашки. Поражает ее яйца.

8. **Ктырь.** Это лохматое насекомое всегда настороже. Большими глазами зорко оглядывает все вокруг, нет ли где комара. Хищной мухе — ктырю ничего не стоит поймать комара на лету.

На рисунке: 8 — лафрия горбатая, 8′ — ктырь шершневидный.

9. **Наездник — серповка согнутая.** У этого наездника главная цель — гусеницы соснового шелкопряда.

10. **Наездник Пимпла — подстрекатель.** Он менее разборчив, довольствуется гусеницами многих видов бабочек.

11. **Аммофила песочная, или пескорой песочный.** У этого хищника строгое меню: только гусеницы ночных бабочек.

12. **Ежемуха рыжая, или муха тахина.** Покрытая множеством шипов и волосков, эта муха — настоящее страшилище, прямо-таки летающий дикобраз. Тахины откладывают свои личинки в тело личинок вредителей (некоторые до 2—8 тысяч).

13. **Ежемуха-тахина.** На рисунке: а — яички мухи-паразита на теле гусеницы капустной совки. Личинки ее питаются гусеницами совок.

14. **Сирф.** На рисунке: б — хищная личинка, питается тлями. Личинки ярко окрашены — зеленые, оранжевые, красные.

15. **Рыжий лесной муравей.** Кто его не знает! А все ли знают, что категорически запрещается разорять муравейник, собирать яйца, а вернее, коконы рыжих лесных муравьев? Ведь каждый муравейник — это жилище наших союзников. Посидите рядом с ним и понаблюдайте, сколько и каких насекомых тащат к себе домой рыжие муравьи.

Ученые занимаются разведением лесных рыжих муравьев. Позаботься и ты о наших друзьях. Никому не позволяй поднимать руку на трудолюбивый лесной народ.

На рисунке: а — яички муравьев, б — личинка, г — кокон, д — самка, о—самец, р—рабочий муравей.

16. **Муравьиный лев.** Хищная и хитрая личинка муравьиного льва в сыпучем песке вырывает ямку-ловушку и прячется на дне, выставляя наружу только голову с огромными серповидными челюстями — жвалами. Чаще других в ямку попадают садовые муравьи, потому и называют насекомое — муравьиный лев. Упавший в ямку попадает в челюсти хищника и погибает. На рисунке: б — личинка.

17. **Наездник-трихограмма.** На рисунке: наездник на яйце озимой совки (сильно увеличено). Его еще называют яйцеедом: он поражает яйца восьмидесяти видов бабочек!

18. **Наездник-диаретус.** Поражает злаковую тлю. Вот он на рисунке. Рядом — пораженная тля.

19. **Коромысло большое.** Стрекоза — тоже наша союзница. Она на лету ловит мошек, комариков, мух и других насекомых.

20. **Наездник-апантелис.** За свою жизнь каждый наездник этого вида откладывает до двух тысяч яиц. На рисунке: личинки этого паразита окукливаются на теле гусеницы капустной белянки.

21. **Семиточечная тлевая (божья) коровка.** Личинки ее (б) — бродячие охотники за тлями (капустными, злаковыми, садовыми), каждая из них съедает до тысячи тлей. На рисунке: в — куколка.

22. **Двуточечная тлевая коровка,** б — личинки.

23. **Скорпионница обыкновенная,** б — личинка.

24. **Стрекоза четырехпятнистая** (см. рис. 19).

25. **Краснотел пахучий.** И личинка (б) и жук — хищники. Взрослые жужелицы хорошо летают. Личинки краснотела с особенным аппетитом «заправляются» гусеницами и куколками бабочек днем, но охотятся и ночью, заползая на деревья или путешествуя по земле.

26. **Краснотел бронзовый.** Эта жужелица — отважный охотник за вредителями лиственных лесов.

27. **Жужелица черная.**

28. **Жужелица зернистая.**

29. **Мягкотелка рыжая.** Хищные личинки (б) ее живут в почве. Жуки с мягким покровом тела не очень подвижны.

30. **Коротконадкрылый хищный жук.** Юркий, подвижный, нападает на многих насекомых.

31. **Нарывник изменчивый.** В крови этого насекомого находят едкое ядовитое вещество, вызывающее воспаление кожи. Некоторые виды насекомого используются для изготовления лекарств. Жуки питаются растениями, личинки (б) — яйцами саранчевых насекомых.

32. **Хищный трипс.** Личинки (б) и взрослые насекомые питаются растительноядными клещами и мелкими насекомыми.

33. **Коровка червецовая.** Личинки (б) и жук — хищники, поедают червецов и щитовок.

34. **Антокорис.** Мелкий хищный клоп. Тонким и длинным хоботком он прокалывает яйца, личинки и мелких насекомых с мягким покровом и высасывает затем свою жертву.

35. **Комарик (артокнодакс).** Обратите внимание: у взрослого насекомого—длинные и загнутые усики. Личинки — хищники (б), питаются паутинными клещами, тлями, высасывая их.

Содержание

Главный редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Художественный редактор **П. И. Кузьмичев.**

Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко** (ответственный секретарь), **Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев** (заместитель главного редактора), **А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.**

Адрес редакции: **Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.** Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются. Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 10334. Подписано к печати 3/VIII 1966 г. Форм. бум. 84×108[1]/16. Объем 5,25 физ. печ. л.
8,82 усл. п. л. Тираж 653 800 экз. Изд. № 1538. Заказ № 1956.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Знаете ли вы, ребята, что есть две силы в природе, которые, если дать им волю, становятся смертельными врагами плодородных полей!

Эти две силы—ветер и вода. Да, даже вода, без которой не может быть жизни.

Весной, когда тают снега, летом, когда идут проливные дожди, водяными потоками размываются овраги. Вырастая год от года, они перерезают поля и пашни, отнимая у народного хозяйства тысячи гектаров.

Ветер, высушивая и распыляя почву, поднимает в воздух и уносит пыльными тучами плодородный слой, иногда оголяя землю до подстилающего грунта.

Эти враждебные действия ветра и воды наука называет эрозией, что значит разъедание. Водная эрозия. Ветровая эрозия.

Не дадим же воде и ветру бесчинствовать на полях, отнимать у них плодородие!

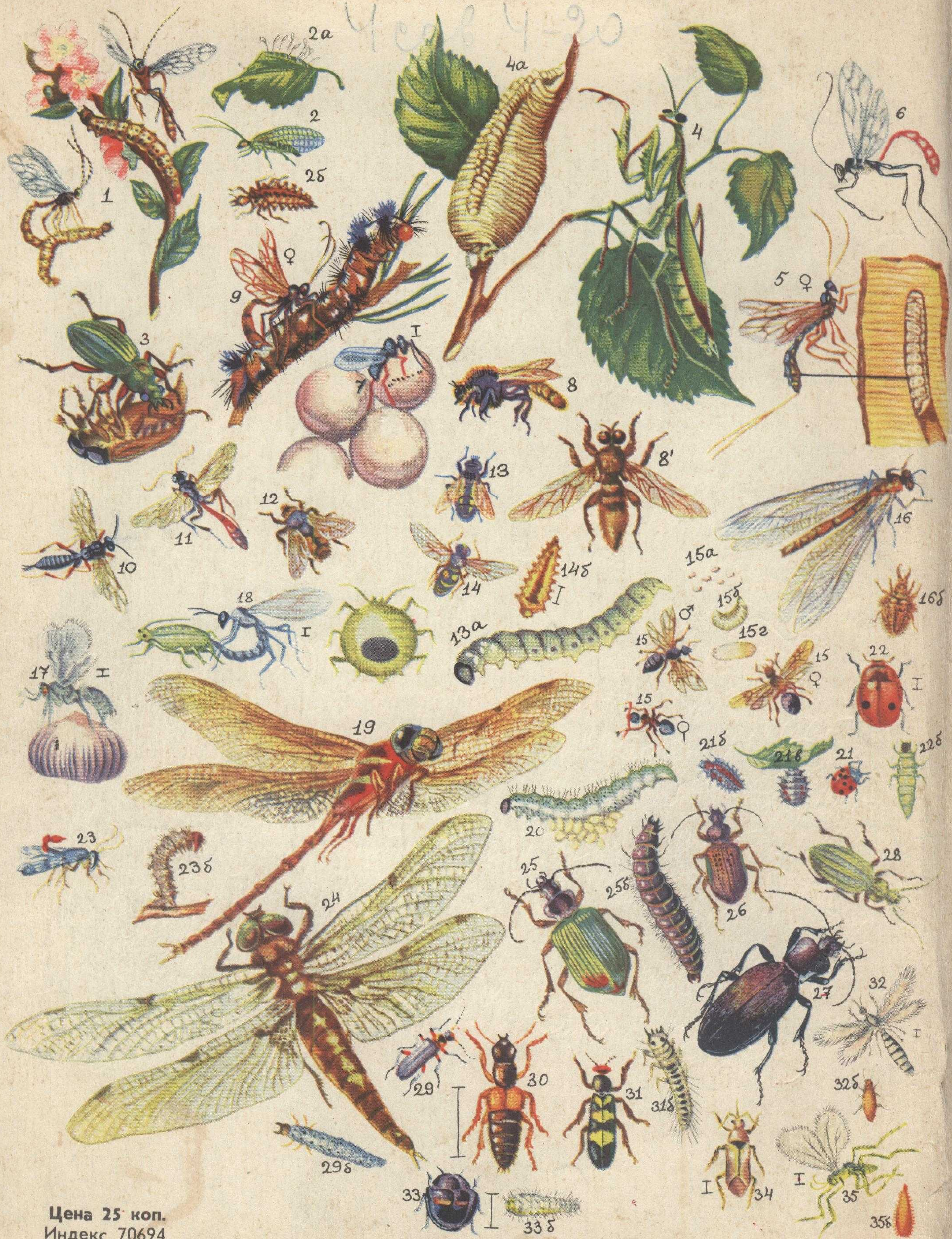
Пионеры всегда помогают взрослым. Здесь вы тоже можете помочь.

Укрепляйте овраги: сажайте по дну и склонам деревья, кустарники, сейте травы. Участвуйте в посадке лесных полос, гасящих ветры, в закреплении подвижных песков. Собирайте семена луговых трав. Создавайте на пришкольных участках делянки для их выращивания. Охраняйте зеленые посадки вдоль полей, дорог, рек — пропалывайте сорняки, уничтожайте вредителей. Какие травы сеять! С какими насекомыми бороться! Как действовать еще! Посоветуйтесь на ближайшей к вам агролесомелиоративной станции и в вашем местном отделении Всероссийского общества охраны природы.

Цена 25 коп.
Индекс 70694

Враги наших врагов — это наши друзья. Прочитайте о них в этом номере журнала и запомните: ЕСТЬ ЖУК — ВРАГ И ЕСТЬ ЖУК — ДРУГ!